

ЕЛЕНА САРИНОВА

КЛЮЧ
ДЛЯ ХРАНИТЕЛЯ

Елена Саринова

Ключ для хранителя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25561789

Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2017

Аннотация

Древние замки, магические купола, рыцари, графы и сумасшедшие ученые, дриадыские роши и русалочьи озера – Ее родной мир. Знаки из старых газет, пещеры Карелии, порталы и ручные грифоны – Ее путь в этот мир. Как долго он может продлиться, если на кону потерянная семья и любовь? Чем на этом пути можно пожертвовать в итоге?.. А хоб его знает... Еще совсем чуть-чуть и Она уже уверенно ступит на сырые камни дороги домой. Вот и поглядим тогда...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	43
Глава 7	58
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Елена Саринова

Ключ для хранителя

Глава 1

Андрей...

... А городом завладел дождь. Разогнал воркующие парочки у фонтанов, очистил аллеи от крикливых мамаш с детьми. И только настроенные на пятничную романтику мажоры в своих дорогих авто еще курсировали по центральным улицам. Дождь чистил город. В мутных потоках гнал в водостоки разноцветный мусор, сбивал теплыми каплями пыль с кустов, обмывал светофоры и фонари. Люди ему только мешали. Люди были лишними на этой генеральной уборке, затеянной майским небом...

– Ве-ет, ты заказывать то будешь? – Юлька нетерпеливо постучала ноготком по картонной обложке меню. – Что ты там интересного увидела, за окном? – ну, понятно, пора начинать шоу – над нашим столиком выжидающе зависло юное создание мужеского пола с открытым блокнотом наперевес и преданной улыбкой. Я поспешно уткнулась в буквы и цифры, подруга величественно продолжила. – Так, еще салат «Англицкий», бокальчик мартини... для начала... ну и,

как обычно, Сереженька, «Камамбер в кляре».

Мой заказ ограничился чаем и куском черничного пирога. После его оглашения сияющий Сереженька стремительно унесся в сторону кухни.

– Просто я дома наелась... нечаянно. Задумалась и сама не заметила, – пояснила я в ответ на полный непонимания Юлькин взгляд.

Конечно, подруга у меня королева. По этому мы и сидим сегодня в этой пафосной ресторации, а если бы место выбирала я, куксилась б она сейчас под залихватский рок-энд-ролл в моем любимом пабе на окраине. Так что пусть спасибо скажет за то, что я не устроила ей такую пакость.

– Сколько тебя знаю, всегда у тебя все «нечаянно» и «задумавшись» происходит... – пробурчала ее Величество и тут же сменила направление разговора. – Ну, скажи, неужели вот так жизненно необходимо обязательно завтра ехать в эту тьму-таракань?

На минуту я задумалась и представила себе маленький бревенчатый дом, как частые капли стучат по жестяной его крыше и форточка хлопает, сражаясь с порывами ветра, пустоту и холод в этом почти заброшенном доме...

– Надо ехать, – обреченно выдохнула и снова вернулась взглядом к залитому дождем окну.

– А как Андрей отнесся к твоему решению?

Я удивленно уставилась на Юльку. Вот уж не ожидала от своей подруги такого довода и уж ей ли не знать, что подоб-

ный ход, это даже не козырной шестеркой.

– А что он нового может мне сказать?! У него на все мои поступки одна и та же заготовка!

– Погоди, погоди, сейчас... – она вскинула к потолку глаза и театрально-низким голосом процитировала. – Веточка! Ты ведешь себя иррационально!

– Вот именно, – окрысилась я в ответ и кинула накрахмаленной салфеткой в хихикающую нахалку.

– Бу-у, какая злюка! У тебя даже глаза из синих стали черными и кудри дыбом.

– Так давай, наконец, закроем эту тему и проведем вечер... позитивно, – процедила я сквозь зубы, машинально приглаживая свою шевелюру цвета соломы. Она, действительно, сегодня была на редкость буйной, но объяснялось это совсем не моим нервным состоянием, а повышенной влажностью воздуха... Краем глаза я уловила активное движение справа. – Тем более, смотри!

И шоу продолжилось... Румяный от смущения Сереженька, в порядке трудовой мотивации поощряемый двусмысленными Юлькиными комплиментами, был как всегда на высоте. Феерично менялись блюда и напитки и часа через два я с удивлением обнаружила стоящий перед собой пустой бокал из под красного вина... После мысленного "Эх, что уж там!" веселье понеслось дальше. Часа через три нас с подругой начали приглашать на медленные танцы, хотя, по-моему, в этом заведении такое считалось моветоном, а еще спустя

какое-то время меня возле зеркала поймал за руку какой-то невысокий господин с нахальной улыбкой. Дело, в общем-то, житейское и я уже было открыла рот, чтобы подпортить мужчине настроение, но уловила в его глазах «азарт настоящего охотника»:

– Скажите, э-э-э....

– Вета, – подбадривающе протянула я.

– Скажите, Вета, вы любите риск?

– А сами вы как думаете?

Мужчина оценивающе окинул мою высокую, крупную фигуру, облаченную в легкомысленное шелковое платье, и пристально посмотрел в глаза:

– Я думаю, что вы до сих пор еще ни разу по-настоящему не рисковали, но внутренне уже к этому готовы, – произнес, выговаривая каждое слово.

«Маньяк», – мелькнуло в голове. – Вы извините, но меня ждет подруга. Договорим в другой раз, – пробормотала, уже разворачиваясь.

– Другого раза может и не быть, Вета, но в любом случае, удачного вам путешествия! – крикнул мужчина мне в спину.

«Ну и дела... Хотя, Юлька так громко орала тосты за мое скорейшее возвращение, мог и услышать... Да, пора сворачивать веселье»...

В такси, вызванном все тем же, незаменимым во всех отношениях Сереженькой, мы с подругой долго спорили, кого «закидывать» первой: меня в старую часть города или

ее в элитные новостройки. Победила Юлька, как внезапно вспомнившая, что дома ее ждет муж. Вот бы памятник этому святому человеку...

– Выспись хорошо и, я тебя умоляю, аккуратней завтра на трассе! – назидательно изрекла подруга, заглянув в мое открытое боковое окно. Она уже вышла из машины и сейчас искала в сумочке ключи от своей квартиры.

– Юлия! Ты мне вовсе не мать и мне вообще двадцать пять, – не очень умно захихикала я получившейся рифме и чмокнула подругу в подставленную щеку. Такси осторожно тронулось, выбираясь из лабиринта припаркованных на ночь машин и хрупкая Юлькина фигурка, стоящая под фонарем, вскоре исчезла из виду. На миг в голове промелькнула мысль: «А ведь я ее больше никогда не увижу», тут же с протестом изгнанная: «Что за глупость! Еду то я всего на два дня»...

– Интересная у вас подруга, – подал голос водитель, с придыханием добавив. – эф-фектная.

– Ну, так, королева.

В кармане жакета требовательно завибрировал телефон. Я поднесла аппарат к глазам – из мерцающего голубым светом окошка на меня устало смотрело лицо вызывающего абонента. Ничего себе так лицо: русые волосы с ранней проседью и глаза с выражением вселенской озабоченности за стеклами модных очков. «АНДРЮША», черными буквами внизу экрана.

– О-о, только не сейчас, дорогой. Только не сейчас...

Телефон полетел в открытую сумку, где тут же обиженно затих. А я, откинувшись на спинку сиденья, подставила лицо прохладному ночному ветру и закрыла глаза...

Наш с Андреем служебный роман, буйно расцветший розовым кустом почти полтора года назад, уже давно зачах и облетел. Осталось лишь чувство досады, не на него, на себя, да еще привычка, прочная из-за вынужденной необходимости видеть друг друга иногда по семь дней в неделю. А началось все очень динамично...

В Тюмени, да и в области, фигура Андрея Бурова была известна всем, кто хоть изредка смотрел региональное телевидение. Молодой многообещающий журналист специализировался на «белых пятнах» истории края. По этому, еще будучи студенткой ТГУ, я часто наблюдала его шумные появления на своей родной кафедре краеведения. Там мы с ним и познакомились. Точнее, вынуждены были это сделать после того, как сошлись в нешуточном «научном диспуте». Андрей в то время снимал сериал о сибирских кладах, а я как раз дописывала свою дипломную про исчезнувшее золото Колчака. Завкафедрой краеведения, благообразная Мария Тимофеевна, зашла в кабинет как раз в тот момент, когда я предложила этому «искателю сенсаций на свою п...» (мои слова) и «патриоту глубинки» (твердое мнение Марии Тимофеевны) взять лопату, зарыть на своем огороде золотую фик-

су и снять очередную серию под названием «Тайный схрон большевиков». Андрей, не ожидавший такого непотребства со стороны дилетантки, открыл было для достойного ответа рот, но увидев остолбеневшую старушку, лишь красноречиво хлопнул дверью... А через месяц пригласил меня, уже дипломированного историка-краеведа на работу в качестве редактора своего телепроекта. Мне тогда, окрыленной верой в романтические идеалы, показалось, что это поступок сильной личности. Я готова была горы свернуть, чтобы быть ему хоть чуточку нужной и, чего греха таить, желанной...

Прошло два года, и если первая часть моей девичьей мечты воплощалась в геометрической прогрессии, то со второй перспективы были гораздо туманнее. Нет, конечно, орхидеи в коробочках, изредка по утрам возникающие на моем рабочем столе и чувственные медленные танцы «глаза в глаза» на корпоративах были очень приятны томившемуся женскому сердцу. Но, ситуация коренным образом изменилась лишь тогда, когда на одной из планерок мой дорогой начальник нечаянно разглядел у меня на шее... последствие страстного лобызания, причем однозначно не его... В следующий вечер и были посеяны семена нашего пышного розового куста.

Андрей, несомненно, был хорош, особенно в периоды «творческих родов», когда кипела работа над каким-нибудь новым фильмом, и весь наш небольшой коллектив сутки напролет снимал, монтировал, озвучивал и вообще делал еще много чего такого, о чем стыдно было вспомнить позже, но

что, несомненно, способствовало будущему успешному запуску. Андрей был царь и бог в своем маленьком королевстве, но будь у меня от природы чуть больше честолюбия и здравого рассудка, я бы гораздо раньше поняла разницу между талантом дарить себя другим и способностью мило- стиво принимать от них же...

Роли в нашей паре утверждены были сразу. Я – взбалмош- ная, но преданная. Андрей – терпеливый, но всемогущий. «Ты моя зеленая хрупкая веточка», – шептал он в порыве возвышенной нежности и запускал в мою непослушную ше- велюру холодные пальцы... О, как ты заблуждался, дорогой, выдавая желаемое за действительность! Я давно не была «зе- леной», а уж «хрупкой» и подавно... Но, ты упорно играл свою главную роль, а я тебе по привычке подыгрывала...

Глава 2

Утро...

Не припомню ни одного случая из своей жизни, чтобы треньканье будильника меня радовало. Увы, это пасмурное субботнее утро, счастливым исключением не стало. К тому же в комнате было откровенно холодно из-за открытого на ночь окна. Конечно, средство от похмелья много раз проверенное, но с побочными эффектами: комариным укусом на лбу и чечеткой зубами...

Через четверть часа, приняв душ и облачившись в джинсы и свитер, я сидела за кухонным столом и, жуя бутерброд, пыталась привести свои мысли в порядок. Для начала следовало вспомнить то, что было вчера. Так, пятничное сумасшествие на работе (это, как обычно)... Потом разговор с Андреем по поводу моих личных планов на выходные (это вспомнить не хотелось)... Вечером Юлька со своим любимым шоу «Я – королева» (это вспоминалось какими то яркими пятнами и вспышками)... А еще был мужчина, которого я обозначила, как «маньяк», с его дурацким вопросом «Вы любите риск?» и пожеланием в дорогу (он вообще вспомнился некстати)... Теперь перейдем к планам на сегодня: заправить Муху, затем без проблем доехать до Качелино (под проблемами подразумевалась сомнительного качества проселочная

дорога в 23 километра), после обеда сходить на кладбище и привести в порядок бабушкину могилу... А вот что я буду делать дальше, я и сама толком не знала. Так же, как не могла объяснить свое граничащее с фобией желание вообще туда ехать.

– Просто, ты так и не научилась жить без нее, Ветвяна Полунич, – хмуро сказала я своему отражению на боку глянцевой кружки. – Вот вернешься в этот пустой дом и сразу повзрослеешь...

Наш маленький двор, заставленный уродливыми металлическими гаражами, в этот час, казалось, еще дремал. Лишь воробьи по-деловому обменивались чириканьем, прыгая между подсохшими лужами, и ветер осторожно пересчитывал листья акаций вдоль тротуара...

– Да, что б тебя! – нарушила, наконец, священную тишину я, созерцая грязную соседскую «десятку», перегородившую выезд моему черному Матизу Мухе.

Пришлось через домофон минут пять будить этого безответственного нахала, а потом еще столько же времени ждать, когда он спустится со своего второго этажа.

– Ну, и куда ты покатила в такую рань? – начал мужик светскую беседу, зевая в кулак. – Все нормальные люди в субботу в шесть утра сны досматривают или еще чем интересным занимаются.

– Все нормальные люди паркуются, как положено, а не

там, где ночь застала!

Сосед окинул меня удивленным взглядом и примирительно оскалился:

– Да, ладно, Вета, не злись. Просто я никак не думал, что ты сегодня вообще выезжать будешь. Тебя ж обычно по выходным персональный водила катает, на Фольце. Так куда ты? Или это секрет?

Он, вообще то, ничего, дядя Владик, хороший сосед. Зимой мне проколотое колесо менял, о пробках на ближайших улицах предупреждает. Просто настроение у меня сегодня совсем... не лирическое. Поэтому я тоже решила сбавить обороты:

– Да какой секрет. В Качелино.

– А-а-а, понятно. Дом бабкин, наверное, решила продавать. Только трудно будет: от города далеко, под дачу не купят. Да и глухомань ведь, это твое Качелино. Даже не газифицировано.

– С чего вы взяли, что я буду его продавать? – возмутилась я домыслам практичного мужика. – У меня, может быть, кроме этого дома больше ничего и нет: квартира – съемная, Му..., машина – в кредите... Да и вообще...

– Так, ты, может там остаться решила?

– Может и останусь, – заявила я и сама себе удивилась.

Сосед же лишь недоверчиво хмыкнул и вспомнил, наконец, причину своей внеурочной побудки...

Мухе своей я безоглядно доверяла. В отличие от всех

остальных благ научно-технического прогресса, Муха меня любила, положив за четыре года на алтарь моей безопасности два своих прежних капота, два передних бампера, решетку, переднее правое крыло и еще много больших и мелких своих частей. Муха умела блокировать двери и бить током тех, кто отнесся к ней без должного Матизу уважения. А еще она «мурлыкала» мотором, когда я гладила ее по панели. Мои пассажиры, наблюдая наши с машиной «нездоровые отношения», обычно опасливо крутили у виска. И лишь Юлька, знающая меня много лет, всегда спокойно спрашивала, усаживаясь на переднее сиденье: «Ну что, девочки, надеюсь, у вас сегодня хорошее настроение?»...

Сейчас мы с «накормленной» под завязку Мухой неслись вон из города по пустынной Профсоюзной и слушали радио. На одной из волн, не в меру брутальный певец Джанго никак не мог решить, впускать ли ему через окно некую особу или, все-таки, воздержаться. Я непроизвольно подняла глаза к нему, в безнадежные серые дали, и решила, что действительно, погода сегодня нелетная, так что, от окна ее может и саму... отнести, пока он там решает...

Затормозив на ближайшем светофоре, мое внимание привлек подкативший следом по соседней левой полосе шикарный Лексус глубокого синего цвета. На переднем его пассажирском сиденье в вальяжной позе развалился мужчина. Я уже было отвела взгляд, не желая выказывать излишнюю заинтересованность, как он сам неожиданно повернулся и с ра-

достойной улыбкой помахал мне рукой. «Маньяк!», – опознала я своего ночного собеседника. – «А ему-то что не спится?». Тем временем мужчина опустил стекло и знаком попросил то же самое сделать меня. Пришлось быть вежливой.

– Доброе утро, Вета!

– И вам хорошего дня, – улыбнулась я в ответ, впрочем, без особой искренности.

– Мое пожелание остается в силе!

Светофор «дал добро», Лексус плавно пошел на левый поворот, а мне осталось лишь тихо радоваться, что нам с 'маньяком' и сегодня не по пути...

Глава 3

Качелино...

Областная цивилизация постепенно отступала. Реже по сторонам дороги стали попадаться навязчивые рекламные банеры. Груженные дровами, песком и еще чем-то грузовики, терпеливо ожидающие на обочинах всеядных дачников вообще исчезли километров пятьдесят назад. Даже скудный на краски сибирский пейзаж изменил свои очертания, из хвойно-равнинного став смешанно-холмистым. И только депрессивно-хмурое небо осталось прежним, преследуя своими верными слугами – рваными тучами маленькую черную машинку, мчащуюся по трассе Тюмень-Ханты-Мансийск...

– Все, Муха, халява закончилась, – объявила я машине, через два с половиной часа сворачивая с «благоустроенного» шоссе на проселочную лесную дорогу. – Сейчас посмотрим, что ждет нас за поворотом.

В общем-то, зря я переживала. Не так все оказалось и плохо. Правда, пришлось все двадцать с лишним километров старательно «выписывать кружева», а в двух местах даже опасно объезжать по вязкой обочине особенно обширные лужи, но за километра три до деревни дорога взобралась на обдуваемый ветрами бугор и я совсем расслабилась. Правда,

скорость прибавлять не стала, жадно вглядываясь в родные с детства места... Вон там справа, где меж берез едва различима покосившаяся изгородь, мы с девчонками, и «особо доверенными» парнями жгли костер, пекли печенки и по-взрослому курили дешевые сигареты. А вон в той низинке, чуть слева, под раздвоенной осиной, я в шесть лет подвернула ногу, легкомысленно прыгая с высокой ветки. Мы с бабушкой тогда пошли за земляникой, она чуть отстала, встретив кого-то по дороге, а я решила ее удивить, спрятавшись в густой листве. «Удивленная» бабушка, тащившая потом меня обратно, всю дорогу ругалась, что неплохо было бы сначала думать, а потом делать. А я, крепко обхватив ее шею руками и всхлипывая от боли в ноге анализировала, что вообще – то хотела не упасть, а взлететь, но, видимо, высота оказалась недостаточной, поэтому и не свезло... Как сейчас помню бабушкину ажурную сережку в ухе, болтающуюся прямо перед моим мокрым носом, прядь седых волос на ее шее, выбившуюся из под пестрой косынки, а еще запах... Так пахла только она, так пахло в моих воспоминаниях детство... Травами и медом...

Чем глубже я погружалась в окружающую реальность, тем больше душу охватывала непонятная тревожная тоска. Когда же, за последним поворотом передо мной открылись окраинные дома, начинающие центральную в Качелино улицу, меня откровенно начало потряхивать...

Здесь мало что изменилось с моего последнего, октябрь-

ского приезда. Лишь тополя из золотисто-рыжих стали уже по-летнему зелеными, да у забора местного фермера, дяди Паши вместо старого «Белоруса» стоял новенький мажористый «иностранец». Наш с бабушкой дом я выглядела издали. Сначала высокую стройную ель, растущую в палисаднике, а потом и он сам встретил меня приветливо распахнутой облезлой калиткой. Сердце сделало глухой «бух» и замерло. Бросив Муху у обочины, я вбежала на крыльцо, лихорадочно нашла в кармане джинсов большой ржавый ключ и открыла навесной замок. Сумрачные сени преодолела в два шага, дернула на себя обитую клеенкой дверь и переступила через порог.

– Бабушка... – позвала тихо, будто боясь собственного голоса. Глупый, бессмысленный поступок.

И дом ответил мне... сиганувшей прочь в открытую форточку пестрой соседской кошкой.

– О-ох... – осела я на лавку. – Жива ведь до сих пор, зараза, – и только теперь глубоко вздохнула. Вот я и ДОМА...

Посидев с закрытыми глазами минут десять, я, не спеша вернулась к машине и забрала из нее дорожную поклажу: льняной пыльник, свою любимую «почтальонскую» сумку и еще одну, по больше, с вещами. Занесла все это в дом и начала обживать. Для начала проверила, все ли в порядке: обошла по периметру небольшую кухню, с занимавшей почти ее половину русской печью, потом и нашу с бабушкой, маленькую, но светлую комнату. Вот, в общем-то, и все мое

хозяйство. Огород за двором меня интересовал мало. Его, еще по осенней договоренности «арендовали» соседи слева, а осмотр баньки я оставила на потом, когда возникнет необходимость посетить еще один неприметный домик, в углу за сараем...

Процедура прощания и поминки проходили полгода назад в качелинской школе, на месте прежней бабушкиной работы. Здесь же, благодаря заботам Катерины Ивановны, бабушкиной единственной подруги, все сохранилось в прежнем порядке. Мне осталось лишь завести старенькие ходики да немного «помахать тряпкой». Единственно «серьезно пострадавшей» оказалась моя высокая сетчатая кровать, которую и облюбовала ушлая кошка. Судя по следам ее «тайной бурной» жизни, именно на моем девичьем ложе Симка и ела, и любила, и дрыхла. Пришлось менять всю постель.

– Если я еще раз увижу здесь твой облезлый хвост, поставлю под окном медвежий капкан! – вытрясая загаженное покрывало, стращала я, торчащие из травы Симкины уши. Кошка в ответ скептически молчала. – Ну, может, не медвежий капкан, – внесла поправку я. – но, что-нибудь обязательно поставлю... Да хоть таз с водой!

– Здравствуй, Ветвяна! Давно приехала?

Я повернулась на голос и увидела облокотившуюся на калитку пожилую полную женщину в вязаной шляпке. Только два человека во всем мире имели право называть меня моим полным именем – бабушка и...

– Катерина Ивановна! – сбежала я с крыльца и бросилась в распахнутые навстречу объятья. – Как я рада вас видеть! – Девочка моя, похудела то как, – забормотала женщина, глядя мою прижатую голову.

– Ага, с 50-го до 48-го растянутого, – хлюпнула я носом в ответ. – Как вы живете? Как ваше здоровье?

– Все хорошо, Веточка. Внуки скоро на каникулы из Тобольска приедут, мне в помощники. Правда, без мазей и настоев твоей бабушки нога перед непогодой опять ныть начала, но, я ее берегу, кутаю. А знаешь, что... – Катерина Ивановна отстранилась от меня и я увидела в уголках ее глаз слезы. – Ты надолго вернулась?

– На выходные.

– Тогда приходи ко мне сегодня вечером. Мне Петрушка трехкилограммового сазана притащил, за то, что я его бригаду наняла в школе ремонт делать. Сама знаешь, с работой у нас плохо, к тому же мужик он ответственный, ну да не про то я... В общем, по-вашему, по бомондному, приглашаю тебя в 20–00 на ужин с сазаном в сметане, ну и с наливочкой малиновой. Поболтаем, понастольгируем.

– Конечно, приду, – с готовностью ответила я и вспомнила. – Тем более, у меня для вас подарочек есть.

– Подарочек, это всегда приятно. Только ты, Ветвяна для меня сама, как подарок. Гляжу на тебя, будто в глаза Нилены. Очень ты на нее похожа, даже характер тот же...

– Поперечный! – произнесли мы вместе с женщиной лю-

бимый бабушкин диагноз и неожиданно рассмеялись...

Глава 4

Ирисы...

На кладбище я решила идти пешком. Тем более, расстояние было не такое уж и большое: сразу за деревней, со стороны, противоположной той, с которой я въезжала, начиналось поле, расчерченное кустарниковыми линиями, потом небольшая осиновая рощица и, наконец, дорога поднималась на пологий кладбищенский холм, украшенный, кроме крестов редкими старыми березами. Странная традиция хоронить на возвышенности объяснялась либо чем-то языческим, Перуновым, когда люди поклонялись богу грома и молний и хотели даже после своей смерти быть к нему ближе, либо частыми паводками. Лично для меня правдоподобнее был второй вариант...

Поставив в пакет пластиковую бутылку с водой, я бросила туда же детские грабли, купленные накануне, большую автомобильную салфетку и граненый стакан под любимые бабушкины ирисы. Эти неприхотливые цветы росли тут же, возле крыльца на небольшой клумбе и, мало того, к середине мая уже всю цвели своими фиолетово-синими бутонами. «Ирисы, по-гречески – радуга. Цветы древние и прекрасные», – говорила бабушка, нежно проводя ладонью над кончиками лепестков. Она редко бывала такой по-детски безза-

щитной и печальной. А я, глядя на нее, совсем незнакомую мне в тот момент женщину, очень хотела знать, в каких же краях летают ее потаенные мысли... Букет ирисов, перевязанный зеленой ленточкой, бережно лег сверху в пакет, я вышла на улицу и впервые за утро огляделась по сторонам.

Погода, наконец, решила сменить гнев на милость. Солнце, соскучившееся за последние дни по земле, любопытно выглядывало через прорехи облачного одеяла. Теплый ветер гонял по тропинкам облетевшие черемуховые лепестки и пугал ими рыжих соседских кур, дремавших в траве. Куры возмущенно кудахтали, следя за этим безобразием одним глазом, но покидать нагретые лунки ленились. У дома напротив, на лавочке с резной спинкой бдительно дремала, оперевшись на трость, баба Нюра, кажется еще лично знакомая с Григорием Распутиным. А прямо посреди дороги две внушительных размеров хрюши делили «грязевую ванну», примеряясь к ней то спинами, то боками. В конце концов одна из них решила, что она умнее и, уступив свою половину товарке, гордо удалилась в правый переулок. Мне, кстати, было в ту же сторону и, преследуя «мудрую» свинью, я вышла на соседнюю улицу.

Слева, через три двора, возвышалась двухэтажная кирпичная школа, а справа – местный «минимаркет». Во времена моего детства я часто после занятий забегала в него за стаканчиком вафельного мороженого. Уже в ту пору это блочное здание с наполовину забитыми фанерой витрина-

ми выглядело много повидавшем на своем веку. На сегодняшний день мало что изменилось. Справа, возле двери, под ярко-красным постером «Кока Колы», эффектно прикрывающим одну из фанерок, была «припаркована» лохматая коза. Животное меланхолично жевало оторванный глянцевого клок, воплощая собой иллюстрацию к пособию «Способы конкурентной борьбы». Я настолько засмотрелась, что чуть не прошла мимо. А ведь собиралась купить батарейки к пульту для телевизора!.. Обогнув рогатую гурманку по широкой дуге (я вообще коз не боялась, но мало ли какое у дамы настроение), вошла в прохладный торговый зал.

– Здравствуйте, – поздоровалась «в никуда» по деревенской традиции.

Тут же в меня уперлись две пары глаз: сухонькой старушки в простеганном жилете, по-видимому, хозяйки козы, и продавщицы, ярко-выраженной блондинки в кокетливом фартуке и с замазанным бланшем на скуле. Я подошла к прилавку и встала «в конец очереди». Продавщица, игнорируя старушку, протягивающую ей денежную купюру, проследила за мной взглядом.

– Ветка?! Точно, Ветка! Ужас, как ты изменилась!

– Таня?.. – удивилась и я в свою очередь. Опознанная бывшая приятельница же радостно заулыбалась. – Привет, дорогая! Так ты теперь здесь? А я слышала, ты в Сургут уезжала на заработки.

– Знаешь, везде хорошо, где нас нет, – философски из-

рекла девушка. – Я год назад вернулась... с сыном. Никитка зовут. Классный парень, на меня похож, просто ужас. А ты нашла свои «заоблачные дали»?

– Это, в каком смысле? – не поняла я.

– Ой, ну помнишь, лет 15 назад у нас под деревней цыганский табор стоял?

– В 99-м это было, – встряла в разговор козья хозяйка. – У меня в ту весну как раз внук, Костик из армии пришел.

– Не-ет, не помню.

– Странно... – на миг задумалась Таня. – Ну, так вот, мы с девчонками: я, ты, Светка Зубова и ее старшая сестра, Оля бегали к ним по руке гадать. Была там такая старая цыганка с трубкой. Мне она нагадала два замужества и трех сыновей, Светке много денег, Ольке... не помню что, а тебе она сначала ничего говорить не хотела. Ты разозлилась, а мы ее уговаривать стали... А потом... – Таня скосила глаза в сторону, пытаясь припомнить. – А потом она взяла твою руку и сказала, что будешь ты жить не в нашей стране и не за границей и будет у тебя муж ни русский и не иностранец. Светка тогда еще засмеялась, что это тебе как раз подходит, потому что ты и так все время витаешь в заоблачных далях... А потом пришла твоя бабушка и закатила ужас какой скандал, к нам весь их табор еще сбежался...

Я внимательно слушала Таню, не понимая, как такое событие могло совершенно исчезнуть из памяти:

– И много сбылось из цыганских пророчеств, конечно,

кроме моих... далей.

– Конечно! Я уже один раз была замужем и сын у меня один есть. Осталось совсем немножко, – заулыбалась уверенно девушка. – А Светка, ты сама знаешь, третий год со своим Жаком во Франции в еврах купается.

– Н-да, – скептически выдала я. – Процент попаданий оставляет желать лучшего.

– Это не все... Ты еще кое-что забыла, – Таня как то сразу стала серьезной. – Она еще твоей бабушке вслед сказала, когда та тебя за руку домой потащила.

– Что сказала?

– Она твоей бабушке сказала, что умрет она страшной смертью и не у себя в постели... Ужас, правда?

– Прости Господи грехи наши тяжкие, – мелко перекрестилась забытая Таней покупательница.

Я на негнущихся ногах вышла из магазина...

Деревенское кладбище было ровесником Качелино, впервые письменно упомянутого в конце позапрошлого века. Кто стал его основателем и по какой причине искал между этими холмами и болотами свое пристанище, я, к своему профессиональному стыду, сейчас и не вспомню. Мы с бабушкой впервые здесь появились 22 года назад, и я тогда была еще лысым 3-х летним карапузом. Уже позже, в течение многих лет, я, как мелкие бусинки на ниточку, нанизывала все, что бабушка нехотя рассказывала мне о моих родителях,

откуда мы появились в этих краях и вообще о том, что могло хоть как то объяснить мне причину бабушкиного «сибирского паломничества». В итоге сведений собралось не много, но и они не радовали. Получалось, что все мы были родом из Рязани. Этим фактом Катерина Ивановна объясняла бабушкин «окающий» диалект, особенно заметный в первое время. Выросла бабушка в детдоме, что опять же объяснялось военной и послевоенной обстановкой в стране. Там же, в Рязани, встретила своего мужа, моего деда, который работал тогда в Рязанском горисполкоме и был намного ее старше. И пока она, будучи уже «тяжело беременной» моим отцом, тряслась по колхозам активной участницей студенческой агитбригады, деда безвозвратно загребли на одну из «бесплатных» строек страны. Что касалось моих родителей, то здесь все было еще печальнее. Получив диплом преподавателя биологии, из чувства долга бабушка решила вернуться в родной детдом. Там же, на его территории, ей выделили небольшую комнатку, в которой они с моим папой и прожили много лет. Естественным исходом стал тот факт, что мама моя, как невеста, была выбрана, как говорится, не «отходя от места». Бабушка не протестовала, хотя претензии у нее к «молодой жене сына» все же были (по крайней мере, именно эта часть ее скудных воспоминаний была наиболее эмоционально окрашена). Как бы там ни было, спустя пять лет вполне счастливого брака, мои родители решили отметить свой свадебный юбилей сплавлением на байдарке по ураль-

ской реке Чусовая, где и трагически погибли. Причем, их даже не нашли, хотя долго искали. Бабушка же, гонимая довлеющим над ней роком, собрала пожитки и, прихватив меня, решила полностью изменить свою жизнь, ну и мою заодно. В общем, из всей этой грустной истории напрашивался один вывод: кроме нее близких родственников у меня больше нет, так что и искать некого... А теперь я и вовсе осталась одна. И единственное, что связывает меня сейчас со всеми этими ушедшими давно и недавно людьми, так это только память: размытые скудные факты и яркие эмоциональные воспоминания... Да еще родовая фамилия «Полунич», в сочетании с вычурным именем «Ветвяна», больше подходящие какой-нибудь припадочной дамской писательнице, чем историк, а тем более очень серьезному редактору...

На покрытом лаком деревянном кресте, над высокой бабушкиной могилой фотографии не было. От нее вообще почти не осталось фотографий. Не любила Неонила Марковна это делать, говоря, что сущность человеческая через вспышку не передается, а приличных живописцев в нашей глуши нет. Только металлическая табличка с ФИО и двумя датами: 27/VI-1944 – 16/X-2010. Да что там фотография, меня вообще сильно удивлял сам факт присутствия креста. Ведь в Бога бабушка никогда не верила, в церковь не ходила и мне не разрешала. Я, правда, ее все равно один раз послушалась, уже в студенческие годы. Но, то ли молодой, но надменный свя-

щенник меня не впечатлил, то ли испугало внезапное головокружение с покалыванием кончиков пальцев.... В общем, больше я судьбу не искашала...

– Наверное, мне пора, бабушка, – сообщила я, почему то табличке. Зябка передернула плечами, все-таки на кладбищенском бугре ветер был гораздо сильнее, еще раз поправила ирисы в стакане под крестом и встала с лавочки. Телефонные часы показывали 13.34. – Сколько ж я здесь?.. Полтора часа...

Уже у подножия холма я еще раз оглянулась назад и уверенно двинула в обратный путь. От быстрой ходьбы тело постепенно согрелось, руки «оттаяли», но, вот мелкая дрожь, подступающая волнами... Я прислушалась к себе и вдруг ощутила, что она не от холода. Ко мне снова вернулось то состояние тревоги, с каким я заезжала в деревню утром. Поддавшись внезапному порыву, я остановилась и трусливо огляделась по сторонам... Тишина и покой, какие бывают только в природе, царили вокруг. И лишь одно нарушало эту идиллию – выглядящая маленькой точкой, но постепенно приближающаяся по пыльной дороге машина. Объехав меня, все также стоящую на обочине, потрепанная белая «шестерка» со знаком на лобовом стекле «Инвалид за рулем», остановилась, и из нее, крехтя вылез худощавый мужчина в выцветшей бейсболке. Мужчина улыбнулся, собрав на загорелом лице глубокие морщины, и я облегченно вы-

дохнула.

– Что это ты замерла, как суслик в поле? – спросил насмешливо прокуренным голосом.

– Тебя встречаю, часа три тут стою, – ответила я ему в тон.

– Да ну?.. Смеешься, а я поверил. Ну, здравствуй, птичка залетная. Раз встретила, садись, поехали, – мужчина приглашающе взмахнул рукой над своей машиной.

– Привет, Валерыч! С превеликим нашим удовольствием, – шагнула я в его сторону, но вдруг остановилась. – погоди, что-то в тебе не так... А ну-ка, пройдишь!

– Я тебе тюлень, что ли, в цирке, чтобы прохаживаться... – пробубнил Валерыч, но, затем, с явным удовольствием сделал несколько шагов туда-сюда.

– Ну, точно! И ведь почти не хромаешь теперь... Покажи новый протез!

– Вета, прекрати издеваться над контуженным! Садись лучше в машину. У меня в багажнике рыба из фитилей киснет, – взмолился мужчина и первым показал пример...

Глава 5

Валерыч...

Валерыча я знала много лет. Как раз в первый год нашей с бабушкой качелинской жизни, он, афганским дембелем с ампутированной до колена левой ногой вернулся в родную деревню. И как то не заладилось у него с самого начала. Девушка не дождалась, укатила в Тюмень с заезжим бизнесменом. Потом, через полгода умерла его старенькая мать, оставив парня полным сиротой. Ситуацию эту усугубляло еще и то обстоятельство, что Валерыч никак не хотел считать себя калекой: от пенсии категорически отказался, хотя работу достойную найти так и не смог, зато, будто специально, каждый день искал себе «по пьянке приключений». Сердобольные деревенские бабки вздыхали, глядя вслед шатко хромающему на костыле парню в тельняшке, и прятали, от греха по дальше, своих сыновей и внуков.

Как то мы с бабушкой выходили из магазина, под стеной которого Валерыч как раз вольготно храпел в лопухах. В дверях ее окликнула тетя Вера, оба беспутных сына которой почему то особенно не нравились десантнику и, тыча пальцем в торчащий из зарослей костыль, прошептала: «Неужели тебе, Марковна, его не жалко? Ведь ты же можешь его вылечить». Бабушка тогда посмотрела на вдруг открывшего мут-

ные глаза Валерыча, и передернула плечами: «А может быть, у него судьба такая, водку пить да дураков бить» и, взяв меня за руку, спустилась с крыльца. Но, судьба в моем лице приготовила для десантника иное предназначение, о чем, я уверена, он неоднократно вначале сожалел...

Мне тогда едва исполнилось тринадцать лет, а выглядела я уже на все шестнадцать. К нам в деревню в то лето с этнографической экспедицией приехали студенты – второкурсники из какого то уральского института культуры. «Экспедиция», это для пятнадцати дорвавшихся до свободы вчерашних мальчишек и девчонок, было сказано громко. На самом деле они, разбив за Качелино палаточный лагерь, около месяца сильно пили, громко пели, дрались с местными и лишали их подруг шанса на «целомудренное замужество». Вся эта «этнографическая вакханалия» продолжалась до тех пор, пока однажды не настала моя «счастливая» очередь. Причем, совершенно неожиданно для меня... Парень был коренастый и лопоухий. Он мне даже запомнился, когда я пару раз до этого видела его на улицах деревни. Но запомнился так, как запоминаются хорошим девочкам сказки про принцев или фотографии белозубых звезд в гляцевых журналах. То есть, просто девическое восхищенное «Ах!» и все, без надежд и последствий. Когда же я увидела его, наглухо перегородившего собой узкую тропинку, ведущую с местного пляжа, то всем своим маленьким 13-ти летним мозгом ощутила: последствия наступили.

Сейчас, вспоминая этот красочный эпизод моего детства, я, конечно, осознаю, что мне тогда крупно повезло. Во-первых, парень сам был не настолько опытен или испорчен, чтобы сразу перейти к решительным действиям. Вначале он захотел договориться со мной «по-хорошему». Во-вторых, эффектом неожиданности для него стала первая же произнесенная мной испуганная фраза: «Дяденька, вы чего?». Шестнадцатилетние, даже деревенские барышни изъяснялись гораздо увереннее. В-третьих, в правой руке за длинные ремешки я несла грозное оружие против насильников – бабушкины раритетные босоножки с каблуками, которыми я на спор забивала небольшой гвоздь. В итоге, парень пострадал больше меня. Я отделалась лишь синяками на запястьях, а он – почти квадратной шишкой на лбу и двумя сломанными ребрами. Откуда ж было знать неместному студенту, что сразу за тропинкой, прикрытый буйной крапивой, начинался крутой обрыв. Вот туда я его, почти контуженного и толкнула... Уже потом, глядя на его распростертое внизу тело, меня охватил ужас. Мне показалось, что он окончательно и бесповоротно мертв и это сделала я! Сломая голову, я рванула домой и с порога начала блажить: «Бабушка! Я его убила! Я убила человека!». Испуганная бабушка, в это время мирно пившая чай с Катериной Ивановной, кое-как дозналась у меня, что же такое произошло. В результате, уже через несколько минут, женщины, несвойственным их возрасту галопом, неслись на «место преступления»... За одним из поворотов

они нос к носу столкнулись с матерящимся «убиенным»...

Тем же вечером бабушка повела меня в жаркую, пропахшую травами баньку и часа два «снямала стресс» тяжелым березовым веником. На мой осторожный вопрос: «А, это поможет?», спокойно улыбнулась и поцеловала в нос:

– Теперь ты под моей двойной защитой, но... кое-что сделать все-таки следует.

А через два дня деревню с большим скандалом, устроенным с легкой руки Катерины Ивановны, наконец-то покинули понурые студенты. Правда, как раз перед тем, как за ними пришла бортовая машина, к нам в дверь робко постучали... Бабушка открыла и демонстративно громко произнесла:

– Ветвяна, это к тебе!

Я выглянула из комнаты, где с самого дня «боевого крещения» сидела под домашним арестом и увидела своего недавнего обидчика. Парень застыл в дверном проеме, отсвечивая густо смазанным лбом, и смотрел в пол. Затем выдал:

– Я пришел извиниться перед тобой. И, если ты... вы с твоей бабушкой, – боязливо скосил в ее сторону глаза. – захотите заявить на меня в милицию, то я готов понести полную ответственность. Вот...

К горлу подкатил ком запоздалой злости, злости за то, что пришлось испытать ужас убийства, что наивное детство мое закончилось, что оказалась такой трусихой:

– Бабушка, скажи ему, пусть он уйдет. Нам от него ничего

не надо! – и хлопнула комнатной дверью.

Села за стол, подперев горящие щеки руками, и в распахнутое окно увидела, как студент вышел из калитки, где его поджидала коротко стриженная брюнетка в красной майке. Он что-то тихо сказал ей, после чего девушка бросила быстрый взгляд в нашу сторону:

– Это ты еще легко отделался, придурок. Своих тебе телок мало, связался с внучкой деревенской ведьмы.

Парочка поплелась прочь, а я ненавидяще уперлась взглядом в спину незнакомке. «Да как она могла сказать такое про мою бабушку?» – молотом билось в голове. Я уже дернулась вперед, чтобы крикнуть им вслед что-нибудь обидное, но в этот момент девушка вскрикнула и кулем рухнула в пыль:

– Мить, я, кажется, ногу подвернула, – донеслось до моих пылающих ушей.

– Так тебе и надо, дура! – все-таки крикнула я в окно...

А еще через день состоялось наше с Валерычем знакомство. Я на тот момент наивно полагала, что бабушкино «что-то сделать все-таки следует» относилось к вынужденным извинениям студента Мити, но, не тут-то было. Она привела меня на пустынный школьный стадион и торжественно представила сидящему под деревом хмурому, но трезвому десантнику:

– Вот, Юрий Валерьевич, моя внучка, Ветвяна. Если наша договоренность в силе, через месяц жду от вас результатов. Вы должны научить ее защищаться от разных... моральных

уродов. Признаю, будет нелегко, — эти слова были произнесены уже лично мне. — Но, согласитесь, оно того стоит. Или нет?

— Неонила Марковна, — напыщенно привстал мужчина. — Сделаю, все, что смогу. Но и вы, пожалуйста, слово свое сдержите.

Бабушка внимательно на него посмотрела и неожиданно рассмеялась:

— Фирма гарантирует!.. Ну, не стану вам мешать. Ветвяна, будь умницей!

И, довольная собой, удалилась, бросив пакет с прихваченным из дома старым одеялом на траву. Я же, проводив бабушку взглядом, недоуменно уставилась на Валерыча:

— Что это вы со мной собираетесь делать?.. Пытать?

Мужчина страдальчески вздохнул, но на мой «умный» вопрос ответил:

— С сегодняшнего дня я буду заниматься твоей физической подготовкой. Ты будешь бегать, отжиматься, подтягиваться, растягивать мышцы и учиться основным приемам самообороны.

— А, может, не надо так много? — спросила я обреченно.

— Нет, без этого никак, — с такой же интонацией вздохнул он.

Я, конечно, понимала, что крупно влипла, но, послушаться бабушку не посмела бы все равно. К тому же очень хотелось действительно прибавить себе уверенности, заметно

упавшей в последние дни:

– Ну, х-хорошо. Только уговор, зовите меня Ветой.

– Договорились, только я тогда, просто Валерыч, и на «ты», так привычнее, – зарделся мужчина...

И началось мое мытарство: для начала я пробежала четыре круга по стадиону, потом честно попробовала отжаться и подтянуться, затем были упражнения на растяжку мышц. А, спустя часа два, «ватной куклой» раскинувшись на одеяле, я, откуда то сверху, услышала фальшиво радостный голос Валерыча:

– Ну, а теперь перейдем к основной части!

Тут я поняла, что ко второму своему убийству подойду с большей тщательностью: кое-как встала, подняла лежащую неподалеку штакетину и пошла на десантника. То, что это не «творческая» инициатива, мужчина понял только тогда, когда штакетина весело щелкнула по его деревянному костылю. Он дернулся и удивленно уставился на мое «холодное оружие».

– А теперь, Валерыч, мы будем быстро бегать.

– Послушай, Ве-ета! Я, вообще женщин и детей не бью, но у меня натренированные инстинкты. Брось палку! – выговорил мой наставник, тактически отступая в кусты.

– А у меня... стресс! – делая шаг вперед, вставила я умное бабушкино слово.

– Я тебя в последний раз прошу, брось палку!

– А я тебе говорю, беги! – честно предупредила я, снова

замахиваясь на костыль.

Тут Валерыч не выдержал... и мы сорвались с места. Он летел впереди, по козлинному подпрыгивая на поворотах, я неумолимо преследовала, но так увлеклась, что слишком поздно поняла, какую подлость задумал десантник. Мы стремительно приближались к нашему дому... Стоящая на крыльце бабушка, заметила нас издали. И, когда, запыхавшийся Валерыч, рухнул за ее спасительной спиной, уже смогла хоть что-то сказать:

– Та-ак, по-моему, планировалось не совсем это.

– Бабушка! Он надо мной издевался! – отчаянно крикнула я, пряча палку за спину.

– Неонила Марковна, я на такой беспредел не подписывался. Это была стандартная программа для десанта, я ничего от себя не добавил, – выкрикнул свое мнение Валерыч, не покидая укрытия.

Бабушка же нехорошо прищурилась и всем корпусом развернулась к нему:

– Для кого, вы говорите, была стандартная программа?

– Для десанта, – уже не так уверенно повторил замерший мужчина.

– А Ветвяна у нас кто?

– ... Девочка.

Возникла минутная пауза...

– Ну что ж, раз мы выяснили эту существенную разницу, то даю вам обоим еще один шанс стать лучше. Конечно,

с корректировкой... Кстати, Веточка, дай-ка мне эту палочку, – я робко протянула штакетину, бабушка взвесила ее на руке и показала мужчине. – Почему бы не попробовать вот с этим? У девочки явный талант.

Валерыч потер лоб и обреченно вздохнул...

На следующей тренировке я познакомилась с «бузой», русским рукопашным боем, точнее, его разновидностью – боем палочным. Проверенная в деле штакетина была заменена на более удобный вариант – круглую в диаметре, качественно ошкуренную сосновую палку длиной до моего солнечного сплетения. Валерыч пояснил, что в идеале «тростка», так она теперь называлась, должна быть из бука, но, за неимением лучшего сойдет и сосна. Мне за месяц сошли целых три. Занятия наши со временем сместились на просторный, почти заросший высоким бурьяном двор десантника, где на столб было торжественно водружено «фуфаечное» чучело. Я ласково назвала его «Митей» и с увлечением колодила по несколько часов в день. Периодически «Митя» штопался толстой капроновой ниткой, но терпеливо сносил за свой прототип все мои издевательства. Постепенно я втянулась, привыкнув к неизбежным синякам, ссадинам и кровавым мозолям. Валерыч же оказался неплохим педагогом, чередуя наши с ним парные поединки, рассказами про свою службу в Афганистане. Я таскала ему бабушкины пирожки со щавелем, а он, громко чавкая и живо жестикулируя, ком-

ментировал мои «пляски»:

– Спину держи!.. Не открывай корпус! Та-ак, теперь меняй хват!.. Уходи с ближнего! Бей!.. Да, чтоб тебя... опять «Митя» накрылся...

Однажды вечером, сидя на завалинке рядом с десантником и вытаскивая из ладошки очередную занозу, я спросила мужчину:

– Скажи, Валерыч, а почему ты согласился со мной заниматься?

– Потому что у нас с твоей бабушкой был уговор, – ответил он, пуская в сторону папиросный дым.

– И на что вы уговаривались? На деньги?

– Нет, – засмеялся мужчина. – На лучшую жизнь.

– А разве такое возможно?

– Понимаешь... Ну, как я живу? – выразительно мотнул он головой в сторону горы пустых бутылок у крыльца. – Разве так мне хотелось, когда я валялся в госпитале и мечтал о том, как вернусь домой, женюсь, детей наделаю... А Неонила Марковна, она сможет мне помочь, даст второй шанс. Мне и Марина про нее говорила, только я боялся сам подойти, попросить ее. А тут так все вышло, само собой...

– Марина? – вспомнилась мне приятная невысокая женщина с родинкой на щеке, которая часто, как будто бы по делу, прохаживалась мимо нас во время занятий. – Она красивая... Да ты влюбился, Валерыч!

– А что с того? – с вызовом спросил мужчина и покраснел

до ушей...

Ровно через месяц с начала наших занятий, мы устроили перед бабушкой «показательное выступление». Сначала я, после нескольких пробных тычек, колющим ударом в корпус, окончательно развалила многострадального «Митю», потом наступила очередь спарринга¹. Валерыч волновался больше меня, но выступили мы на славу. У меня даже один раз получилось выбить из рук своего наставника тростку, причем, по его удивленному мату я поняла, что это были не «поддавки». Закончили мы с честным счетом 5:1, но зрительница осталась довольна.

Тем же вечером, сопровождаемый бабушкой, Валерыч гордо прошествовал в нашу «лечебную» баньку...

¹ Тренировочный бой.

Глава 6

Цацка...

Открыв переднюю пассажирскую дверцу «шестерки», я с облегчением плюхнулась на жесткое сиденье. Машина тут же тронулась и, по-стариковски скрепя, начала маневр вокруг глубокой дорожной выбоины. С пыльной панели, со мной, отраженным лучиком солнца, приветливо «поздоровался» традиционный водительский атрибут: три маленькие иконки на «золотой» пластиковой основе.

– И давно ты, Валерыч, в Бога стал верить? – спросила я с интересом.

– Ты знаешь, – ответил мужчина, не раздумывая, – сразу после знакомства с твоей бабушкой, – и тут же добавил, увидев мой удивленный взгляд, – Я, Вета, точно знаю, сила, которая у нее была, никак не от дьявола. «Светлая» она была, Неонила Марковна, хоть и строгая... А ты у нее переняла что-нибудь?

– Ну-у, умею немного. В травах местных разбираюсь, могу сделать сбор или настой от разных... неприятностей, заговоры, самые простые и так, по мелочи кое-что.

– Жаль, – искренне сказал Валерыч. – А, хотя, меньше знаешь, лучше спишь.

– Это точно, – невесело подтвердила я, вспомнив свои по-

следние, почти бессонные ночи с какими-то мутными снами.

— Расскажи хоть, как твои дела, — решил сменить тему мужчина. — А то, на похоронах так и не пришлось поговорить. Замуж-то не вышла?

— Валерыч, где же я найду такого, как ты? В Тюмени такие не водятся. «Исчезающий вид» смущенно хмыкнул и вытянул из верхнего кармана рубашки надорванную пачку «Беломора»:

— Все смеешься... А в остальном, как? Работаешь там же?

— Все в моей жизни стабильно до безобразия. Так и тянет, иногда, или послать кого-нибудь или самой туда податься. Я, в общем-то, поэтому сюда и приехала... — и замолчала, наконец, удивленно осознав, зачем на самом деле, как сомнамбула, стремилась в Качелино в течение последних недель, почему нахожусь сейчас здесь, в этой машине, на этой дороге. — Знаешь, Валерыч... я хочу, чтобы ты меня сводил на ЭТО место, там, где бабушка... где бабушку... Сводишь?

Машина резко затормозила и я едва успела упереться ногами. Валерыч, глядя на руль, потер ладонью лоб. «Так и осталась у него эта старая привычка», — подумалось, почему то...

— А тебе очень надо?

— Да.

— И когда?

— Сейчас... Это далеко?

Мужчина, наконец, закурил, открыл свое окошко и по-

смотрел на меня:

– Нет, не далеко. Давай, только заскочим ко мне по дороге. Я рыбу выгружу, и сапоги возьмем, там трава высокая и мокрая. Хорошо?

– Спасибо, Валерыч...

Я, конечно, знала, что бабушку нашел на следующее утро лесник, шедший по следу одинокого волка. Еще знала, что погибла она около Дальних Болот, западнее нашей деревни. Но, в местах этих никогда раньше не бывала, потому что нехорошие это места, как говорила бабушка, «нечистые». И историю эту, где шепотом, где в полный голос много раз пересказанную в Качелино, конечно, знала. Причем, из первых уст, то есть от самого лесника, несшего, на похоронах, в числе прочих, бабушкин гроб... 16-го октября прошлого года, с утра по раньше, пошла она на эти самые болота неизвестно зачем, потому что сумку при ней нашли почти пустую, только с комьями земли и без собранных трав или корневищ. Однако точно установлено, что убил ее волк. Лесник сказал, что зверь вел себя странно – обошел стороной лесную кормушку, у которой в это время находился «охромевший» лось, но, как бы там ни было, шансов ей никаких не оставил. Вот и вся история.

Не скажу, что мысль, увидеть это страшное место, меня не посещала. Но, было это давно, ненадолго и только после большого количества выпитого. Один раз, я даже поделилась

своей затеей с Юлькой, но, подруга так выпучила на меня испуганные глаза, что мне пришлось клятвенно ей пообещать, «никогда больше такого бреда в голове не держать». На похоронах, же я вообще ни о чем думать не могла, находясь все три дня, как в кошмарном сне. Если бы не Валерыч, взявший на себя всю организацию, и Катерина Ивановна, не отходившая от меня не на шаг, то это были бы самые безобразные похороны в истории Качелино. Осознавая сейчас мое тогдашнее «бесполезное» состояние, мне, ужасно стыдно, но, это сейчас...

На огромном дворе бывшего десантника, где, когда то монопольно царствовал бурьян, полным ходом шло строительство. Из-за невысокого уличного штакетника уже видны были желтые кирпичные стены будущего большого дома. Там же, на стропилах, глядя куда то вниз, сейчас застыли два «сильно смуглых» строителя.

— ... а я вам говорю, вокруг окон надо красными выкладывать! — услышали мы звонкий женский голос, едва открыв дверцы машины. — И ровнее старайтесь, а то видела я, как вы Тихоновым сработали!

— Моя командует, — довольно расплылся мужчина и распахнул калитку. — Здорово, мать, я с гостьей.

Из-за горы сваленных досок к нам на встречу, уперев руки в бока, вышла, уже располневшая, но, все такая же симпатичная женщина с родинкой на щеке. Увидев меня, она

удивленно вскинула брови:

– Здравствуй, Веточка, какими судьбами?

– Добрый день, Марина. Меня твой муж по дороге с кладбища «подобрал», – заулыбалась я, выжидающе стоя у ка-литки.

– Да, заходи, не бойся. У нас, пока кирпичи не летают. Но, скоро уже начнут, – устрашающе добавила она в сторону вытянувших шеи строителей. – Ой, у меня же котлеты на плите. Пойдем в старый дом, я тебя кормить буду.

Я вопросительно глянула на Валерыча и получила его «благословляющее» напутствие:

– Иди-иди. Небось, с утра не ела. Кто ж тебя теперь на-кормит... А я пока разгрузусь.

Мне захотелось ему возразить, похваставшись приглаше-нием Катерины Ивановны на «бомондный» ужин... но тут ноздрей достиг парализующий волю запах жареного мяса...

Примерно, через полчаса, сидя на достопамятной зава-лилке, я, пыхтя, мерила расставленные парами в ряд резино-вые сапоги. Подобрал, наконец, на свой 39-ый подходящие, оказавшиеся купленными «на вырост» для старшего сына Валерыча и Марины, Женьки облегченно выдохнула:

– У-ф-ф. Мне кажется, последние три ватрушки, Марина, были явно лишними. Так, меня сейчас и в сон начнет кло-нить.

– Ну, и ложись! У нас на чердаке такая хорошая кровать

под пологом, – с надеждой предложила женщина. – А то надумала неизвестно что.

– Марин, ты бы лучше термос с чаем нам в дорогу приготовила, – пришел мне на выручку собирающий ненужную обувь Валерыч. – Вета, а вон того товарища ты помнишь?

Я проследила за направлением взгляда мужчины и удивленно открыла рот:

– Митя! Как живой!

За огородным частоколом, на шесте среди черноземных гряд, горделиво высилось мое «боевое» чучело. Правда, для колоритности, его образ был доработан ржавым чугуном в кепке, но бывшие штопанные «раны» все также напоминали о наших с Валерычем занятиях.

– Его недавно Женька в сарае откопал, а я решил, чего добру пропадать. Заштопали, набили его свежей соломой и выставили ворон пугать. А ты не забыла наши с тобой «пляски»?

– Нет, что ты! – ответила я с большим достоинством, вспомнив свою, уже настоящую, буковую и порядком «отполированную» руками, тростку. – Правда, возможностей «с душой разгуляться», к сожалению, нет. Комната у меня маленькая, люстра – два раза битая. Поэтому упражняюсь, или у подружки на даче, или у... своего мужчины во дворе.

– Молодец! Небось, и чучела имеются?

– А как же. Целых два.

– И как их величают?

– «Митя-2» и... «Андрюша».

– Ты серьезно? – удивился Валерыч и потер лоб. – ... А мужчину твоего как звать, мне Неонила Марковна говорила, да я забыл.

– Все ты помнишь, Валерыч, – усмехнулась я. – И вообще, не пора ли нам ехать?..

Уже выезжая из деревни, мужчина раскрыл передо мной наш предстоящий маршрут:

– Мы сейчас по старой дороге доедем до бывших колхозных ферм, потом свернем к реке, там у меня лодка в камышах припрятана. Переправимся на тот берег, а потом пешком километра три будет. Правда, все больше по сухим кочкам. Так что, гляди под ноги хорошо, а то...

– Валерыч, не переживай. Буду глядеть в оба глаза.

– Ну-ну, – хмуро буркнул мужчина и заерзал на сиденье.

Я внимательно посмотрела на него и решила, что ради собственного «шаткого» спокойствия, не стоит обращать внимание на вдруг решившего занервничать Валерыча. Тем более что сразу на противоположном речном берегу, пейзажи начались, мягко говоря, мрачные. Осторожно ступая по «разноуровневым» кочкам, и, уже раза четыре позорно споткнувшись, я внимательно вглядывалась вдаль. По рассказу лесника, на месте бабушкиной гибели росли кусты ольхи и три низкорослые болотные березы. Наконец, на горизонте наметилось что то похожее.

– Мы почти пришли, – подтвердил мои предположения

Валерыч, отгоняя от носа настырных комаров.

Замерев, я, как замороженная уставилась на конечную цель нашего пути. Над березами безмолвно кружила какая-то птица. Мой проводник, в нескольких метрах замер в выжидающей позе и даже ветер на время затих... «Ну что ж, ты сама этого хотела», – подстегнула я себя и, прихлопнув на щеке болотного кровопийцу, пошла на финишную прямую...

Небольшая полянка, образованная с одной стороны ольховыми зарослями, а с другой, растущими полукругом березами, была почти поровну «поделена» поваленной четвертой. Трава, местами примятая и пожухлая, местами свежая и по болотному сочная, источала какой-то затхлый «аромат», видимо, из-за повышенной влажности земли. Я стояла у «мертвого» дерева и тупо смотрела под ноги.

– Вот здесь это и произошло... Неонила Марковна лежала на спине, головой на поваленном стволе и с раскинутыми руками. А волк напал, видимо оттуда, – Валерыч ткнул пальцем в сторону берез. – Вета, ты как?

– Нормально... А, почему лесник решил, что это именно волк? Их ведь уже много лет в окрестных лесах никто не видел. К тому же была осень, а не весна после «голодной» зимы.

Валерыч потер лоб и рассудительно скривился:

– Видишь ли, определил по следу. У волка след особый, он лапу держит «в комке», пальцы не растопыривает, как со-

бака. И еще, по ране ... на шее и горле, по отпечаткам зубов. Это потом и судебный медик подтвердил. Большой был зверь.

Я, наконец, подняла глаза и посмотрела на березы:

– А это что такое?.. – подошла вплотную к правой из них, где на стволе, примерно в метре от земли, чернел сантиметров десять в диаметре круг.

– Не знаю, – озадаченно произнес склонившийся рядом мужчина. – Когда мы твою бабушку забирали отсюда, на следующий вечер, выпал снег. Ты же помнишь, какая тогда осень была? Уже после десятого начало пробрасывать. И весь ствол с этой стороны залепило. А видел ли это лесник или участковый, кто его знает, я их отчет не читал, не дали.

Склонившись над самым «кругом», я осторожно его понюхала – пахло влажной горелой берестой. Затем, осторожно прикоснувшись к угольно-черной поверхности пальцами и тут же отдернула руку.

– Ты чего? – спросил отпрянувший мужчина.

– Странное ощущение... будто в пальцы что-то кольнуло вдруг.

– Ну, знаешь ли, Вета. Ощущения у нее... Давай-ка, лучше я тебя расслаблю, – и вытянул из кармана своей камуфляжной куртки маленькую фляжку.

– Что у тебя там? – рассеянно спросила я, растирая пальцы.

– Местный коньяк – самогон на кедровых орехах, – Вале-

рыч протянул мне фляжку с уже откинутой крышкой. – Давай, Вета, помяни свою замечательную бабушку по-христиански.

– По-христиански? Ну, давай. Как там говорится: Упокой, Господи, душу рабы своей, Неонила Марковны...

– ... и прости ей все ее прегрешения, – закончил Валерыч очень серьезно.

Сделав пару маленьких обжигающих глотков, я шумно выдохнула.

Мужчина, приняв назад емкость, расплескал остатки самогона по поляне.

– О-ох! – желудок, вдруг жутко скрутило и меня перегнуло прямо лицом в высокую траву. А секундой позже и во все вывернуло наизнанку, освобождая от щедрого Маринино обеда и «поминальной» жидкости. Валерыч, испуганно наблюдавший за мной, мастерски выругался в лучших деревенских традициях.

– Все нормально. Мне уже хорошо... Хоть сейчас обратно к вам за стол, – вяло попыталась я успокоить мужчину и с его помощью поднялась на ноги.

Потом, вспомнив, что в одном из многочисленных карманов пыльника у меня должен быть носовой платок, с показным спокойствием занялась его поисками. Платок, наконец-то, нашелся и, вытаскивая его, я заметила вылетевший следом в ту же высокую траву ключ от дома. Тут уж наступила моя очередь блеснуть знанием «народного язы-

ка»... Когда мой скудный запас иссая, мы с Валерычем осторожно полезли в «дебри», рагребая их руками и пристально всматриваясь в чернеющую между стеблями землю. Первым ключ обнаружил мужчина и с победным кличем высоко поднял его над головой. Мое же внимание привлек, неожиданно блеснувший, где то на границе зрения, предмет. Глазомером наметив его приблизительное местонахождение, я решительно шагнула вперед.

– Вета, ты куда?! Ключ то я нашел.

– Погоди, Валерыч, я сейчас. – глазомер меня не подвел и, уже через минуты две я, осторожно, за черный шнурок вытянула свою добычу. – Мать же вашу, Валерыч! Это же бабушкина цацка.

– Бабушкина что? – спросил подоспевший мужчина.

– Бабушкин медальон. Она его никогда не снимала. И, видимо, похоронили ее без цацки. Не хорошо... – осудила я, в очередной раз, себя за временную «похоронную» невменяемость. – Но, как она сюда попала?

Мы «выгребли» обратно на поляну и Валерыч, прикинув диспозицию, сделал вывод:

– Шнурок кожаный, к тому же целый, значит, слететь с шеи сам не мог. Да и расстояние большое... Такое чувство, будто она сама его с себя сняла и отбросила.

– Ты уверен? – недоуменно протянула я.

Мужчина присел над поваленной березой в том месте, где лежала бабушкина голова, потом сделал «бросающий» жест,

потер лоб и утвердительно кивнул:

– Да, только я думаю, она тогда еще не лежала, а сидела, когда бросала.

– Но, зачем?

– Чтобы не нашли... Или нашел тот, кому надо было найти, – нахмурился мужчина и достал пачку папирос.

Я тоже присела на березу и поднесла к глазам, как маятник болтающуюся на шнурке, бабушкину цацку...

Первый раз я заметила бабушкино украшение совсем в «глубоком» детстве. Было мне года четыре и, возможно та «картинка» стала моим первым осознанным воспоминанием... Помню, сидела я тогда в наполненном теплой водой и мыльной пеной тазике, стоящем на банной лавке, а бабушка сосредоточенно царапала мочалкой мой живот. Мне было и скучно и немножко больно. Поэтому, чтобы хоть как то отвлечь ее от «экзекуции», я потянулась к выскользнувшей через разрез бабушкиного платья «кругляшке на веревочке»:

– Бабушка, что это?

– Да так, просто цацка, – ответила она, и быстро перехватила свободной от «орудия пытки» рукой мою растопыренную ладошку.

И была в этом ее поступке какая-то фальшь, даже мне, почти еще младенцу заметная. Какое то несоответствие между пренебрежительным «просто цацка» и испуганной реакцией на мой «отвлекающий маневр». Я это цепко запомнила

и все последующие годы внимательно фиксировала наличие медальона на бабушкиной длинной шее... Не обнаружился он только один раз, пятого ноября 94-го года...

Накануне, мы с одноклассниками залезли в заброшенный на окраине деревни дом, чтобы оборудовать его под «штаб-квартиру» предстоящей игры в «Казак-разбойники». Была у нас такая навязчивая мечта: вызвать на «принципиальное сражение» класс, старше нас на год. То ли мальчишки там были особо драчливые, то ли девчонки с более длинными ресницами, но не ладили мы жутко с этим 3 «А»... Бабушка тогда, на утреннем автобусе, укатила в районный центр по каким-то своим учительским делам, а меня предоставила заботам Катерины Ивановны. Вот из ее-то директорского кабинета я и слиняла, воспользовавшись временной отлучкой последней и забыв на стуле свой увесистый портфель.

Сам дом нас «не впечатлил», трусливо спрятавшись за закрытыми ставнями и огромным навесным замком. Пришлось довольствоваться просторным надворным сараем, наполовину забитым каким то хламом. С огорода мальчишки притащили облезлый «командный» стол и из чурбачков и досок соорудили лавки. Нам же, как их верным соратницам, осталось лишь навести марафет... Но, как раз в тот момент, когда мы с Надей Чернышевой обследовали на предмет воды заброшенный огород, из-за соседского забора раздался грозный старческий рык:

– Это кто там лазит по чужому двору?! Сейчас вот возьму

берданку и посмотрю через прицел внимательнее!

Мы с одноклассницей, никак не ожидавшие досрочного начала военных действий, переглянулись и бросились наутек, причем в противоположных направлениях. Я решила «перемахнуть» сразу на хозяйственную дорогу, а Надя – предупредить остальных о готовящейся облаве. Почему мне приспичило бежать именно в ту сторону, помню точно: крик такой силы, по моему мнению, должны были услышать даже на противоположном конце деревни. А значит, предупредить кого то было излишне.

Резво перепрыгивая через островки подмерзшей травы и тепличные развалины, я, хотя запоздало, но, все-таки нашла воду, рухнув с разбега в заросший лопухами старый колодец. На мое счастье, он оказался неглубоким. Видимо, водная жила проходила через это место довольно близко к поверхности земли. К тому же, порядком заиленным. В результате моего везения, в ледяную воду я погрузилась лишь по пояс, но, все равно, вымокла насквозь при падении... В первый час, не обращая внимания на сильную боль в плече, я громко звала на помощь. Сначала зывала к «дяденьке с берданкой», потом к одноклассникам, к подло брошенной мной Катерине Ивановне, и, уже совсем охрипнув, к бабушке. Нашли меня часа через три, уже без сознания, намертво вцепившуюся окоченевшими пальцами в прогнивший сруб... Но, на следующий вечер, пробуждение мое было очень приятным. В том смысле, что я разлепила глаза в собственной мягкой

постели, хоть и под невыносимую вонь от скипидарной мази. Повернув голову, увидела сидящую рядом на стуле бабушку и, неожиданно хриплым басом натренированно отметила:

– Бабушка, а где твоя цацка?

– Ну, вот и славно. Узнаю прежнюю Ветвяну, – услышала откуда то сверху дрогнувший голос Катерины Ивановны, а бабушка, в первый и последний раз на моей памяти, не стыдясь, заплакала:

– Валяется где-то... цацка...

Глава 7

Бабушка...

– Валяется где-то цацка...

– Что ты говоришь? – оборвал мои воспоминания пускающий дым Валерыч.

– А?.. Да так, ничего, – ответила я и, снова вынула из кармана платок. Сначала запоздало вытерла им рот, а потом, перевернув чистой стороной, за шнурок опустила туда бабушкин медальон. Бережно завернула его и сунула обратно в карман. – Пойдем, Валерыч. Больше мне здесь делать нечего...

У моего дома, мы с Валерычем, уставшие и притихшие, сидели на лавочке и, смакуя смородиновый час из термоса, подводили итоги дня.

– Скажи честно, ты до сих пор уверен, что моя бабушка была... «светлой»? – осторожно задала я мужчине вопрос, который уже давно мучил меня саму.

– Ты знаешь, – начал он и неожиданно смолк. – Да, верю. Только, здесь что-то другое...

– Что другое? Сила ее была другой?

– Ну, как тебе объяснить?.. Я ведь из очень верующей семьи. Мой дед по отцу был священником в одной из тоболь-

ских подгорных церквей. А до лет семи я вообще много чего видел из того, что другие не замечают. Ну, как это называется... ауру. Мог по ее свечению определить: плохой человек или хороший, болеет он или здоровый. Правда, потом, когда отец сильно запил, а мать меня сюда привезла, к своей тетке в дом, у меня, как отрезало все видения. Да и в церковь ходить перестал, кто ж меня в райцентр в те-то годы специально возить бы подвязался? В общем, отошел как-то от Бога... Но, чутье на людей осталось.

– Потому ты в свои «лихие девяностые» только придурков бил, а нормальных мужиков не трогал?

– Ну, да. Можно и так выразиться, – смущенно скривился Валерыч.

– Значит, бабушку мою ты тоже «чувствовал»?

– Ее – особенно. Такое трудно не почувствовать.

– И как именно?

– Ну, от плохих людей веет... погребом, что ли. От хороших, «светлых», хлебом пахнет и солнцем. А, от Неонилы Марковны пахло солнцем и травами. Не просто травами, а... медоносными цветами. Будто луг в солнечный день, и над ним летают пчелы... Вот так вот, что ли, – замолчал мужчина, пораженный полетом собственной фантазии.

– Ух, ты!.. Знаешь, я этот запах тоже помню... А от меня чем веет, кроме дезертировавшего обеда?

– А ты пахнешь ветром... да еще грозой.

– Заоблачными далями, значит, все-таки.

– Можно и так выразиться, – вновь засмутился он. Хлопнул на лавку свой остывший чай, достал из кармана папиросы, сосредоточенно покрутил помятую пачку в руках и, словно, наконец, решился:

– Вета, а ты хорошо знала свою бабушку? Ты сказала, что научилась у нее немногому, а что она сама умела, в курсе?

– Нет. Бабушка как то не настаивала никогда, чтобы я чему-то научилась, а мне было не особо интересно, что ли. А, то, что я умею... За травами мы вместе ходили, а заговоры, которым она меня научила, очень простые. Что же касается ее силы... Я знаю, у нее были клиенты. Приезжали даже из Тюмени. А от подробностей бабушка меня избавляла. Я один раз спросила: почему она меня ничему не учит. Неужели я дура совсем безнадежная? А бабушка тогда засмеялась, мол время пока мое не пришло... Теперь получается, что время мое уже ушло. У нее даже записей с рецептами никаких не было... Почему ты спрашиваешь?

– Есть один момент. Я хочу, чтоб ты о нем знала, хотя, сейчас это, наверное, уже ни к чему... Помнишь, я тебе на поляне сказал, что не читал отчет участкового?

– Помню.

– Но, я с ним разговаривал, когда в середине декабря возил Марину с Женькой и Севой по магазинам в райцентр. Мы с ним вместе обедали в блинной, пока мои через дорогу наряды мерили... И он тогда спросил меня: «Неужели ваша травница так плохо жила, что вместо гипса на ногу шину из

коры носила?»

– Какого гипса? – недоуменно скривилась я. – Бабушка никогда не ломала ногу, да и руку... Она вообще, на моей памяти, ничем серьезным не болела.

– Понимаешь, когда ее нашли, у нее на ноге, правой, голень была закреплена двумя кусками осинової коры. И перетянута сверху поясом от платья. Я тогда подумал, что Неонила Марковна могла только в дороге на Дальние Болота или уже там ногу повредить. Мы ведь виделись с ней в то утро, когда она в это треклятое место пошла... Я с удочкой на берегу сидел, а она мимо бодро так прошагала.

– Валерыч, а почему я этого не знаю?

– А, потому что это «второстепенно для официальной версии причины смерти», – зло процитировал мужчина, по-видимому, участкового.

– Погоди. А причем здесь все-таки гипс?

– Вот, и я его тогда также спросил... А он ответил мне, что, после вскрытия выяснилось – у Неонины Марковны был открытый перелом лодыжки, примерно четырехнедельной давности. А потом, правда, добавил, после того, как всю мою фляжку с кедровкой опорожнил, что кровь на ее чулке в месте раны была свежая...

– То есть, получается, что она в тот день с утра была здоровой и бодрой, ногу сломала или по дороге или где-то на болотах, а потом сама себе, каким то образом, восстановила кожный покров и кость... Но, не до конца и, поэтому решила

подстраховаться шиной из коры... Вот это да...

– Я бы сказал... – присоединился Валерыч витиеватым матом...

Ровно в 20.00, я стояла у калитки одноэтажного кирпичного дома бабушкиной подруги и обреченно голосила:

– Катерина Ивановна! Это я, Ветвяна! У вас тут собачка... беспокойная! Я ее боюсь...

Собачка – огромный «кавказец», показушно прыгала на своей туго натянутой цепи по двору и с надрывом меня облаивала. Я, в полголоса, парировала ему альтернативными версиями слова «беспокойная», в перерывах вновь призывая хозяйку дома:

– Катерина Ивановна! Кате... Ой, добрый вечер... Я по приглашению, но ваш «Цербер» его в устной форме не принимает.

Шустро выскочившая из-за угла дома Катерина Ивановна, с пучком порея в руке, решительно направилась к большой дощатой будке в дальнем углу двора:

– Веточка, да какой это Цербер, дурак дураком! А ну-ка, давай на место, Борька! – кобель, тут же забыл про меня и, подобострастно припадая, исчез в завешанной мешковиной дыре. – Проходи в дом, детка, не бойся.

– Имя у него какое-то странное, как у борова. Кто назвал? – с готовностью просквозила я мимо.

– Да я так окрестила, – злорадно захихикала женщина. –

Мне его сын привез из питомника в начале ноября, уже взрослым кобелем. Сказал: «На всякий случай». А имя у него было звучное – «Барклай». Да, только не тянет он на Барклая. Стыдобище одно... Ты меня прости за такую встречу, я за луком в огород бегала, слышу, заливается мой дурачок. Я ведь его куда только не пристраивала: на хоздворе он кур гоняет, на огороде грядки роет. Пришлось сюда переселять. Вот теперь так и живем: Борька лает, я бегаю.

– Зато весело, – подытожила я, уже из дверного проема.

Уютный деревенский дом сразу обволок полумраком и завораживающими кухонными ароматами. В небольшом зале потрескивал горящими поленьями выложенный расписными плитками камин. Рядом с ним, на овальном «ручном» коврике, вытянулась во всю свою длину пушистая черная кошка. «Клеопатра», – вспомнила я имя красавицы, когда то оцарапавшей мой любопытный нос... А вот этого раньше не было: на стене, над рабочим столом хозяйки, между полками с книгами, висела фотография бабушки в простой деревянной рамке. Я подошла поближе и с интересом взгляделась. Снята Неонила Марковна была, явно «неожиданно». Лицо, взятое крупным планом, повернуто в пол оборота, строгий овальный его контур нечеткий. Значит, фотографировали в движении. А огромные глаза выглядят... растерянными, что ли, и такого же цвета, как мои – синие, с годами ничуть не потускневшие... Непослушная седая прядь из «шишки» на затылке упала на шею и жест рукой, в сторону снимающего,

как будто защищается. Вот уж, действительно, застали врасплох...

– А, ну-ка, дай я тебя внимательно рассмотрю! – требовательно развернула меня от портрета, вошедшая в комнату Катерина Ивановна. – Не коротка ли юбка?

– Юбка короткая? – удивилась я и, тут же, по привычке, сложившейся за десятилетия, принялась оправдываться. – Всего то, до середины бедра. Просто, я свои брюки, в которых приехала, испачкала. Пришлось, перед приходом к вам застирывать и переодеваться... А, вообще то... – опомнившись, подошла я к женщине и, поцеловав ее в лоб, обняла. – Я уже большая девочка и сама себе дизайнер.

– Большая девочка, – пробормотала растерянная Катерина Ивановна. – И когда только вырасти успела... Но, знаешь, по правде говоря, тебе идет. Ноги у тебя прямые и длинные, такие же, как сама... Какой у тебя рост?

– Всего то метр, семьдесят шесть, – скромно потупилась я. Женщина сняла с моей спины руки, глянула на бабушкино фото и вынесла строгий вердикт:

– Переросла уже Нилу на семь сантиметров. Я ее в школьном медпункте измеряла. И рост и вес. У нас тогда, три года назад, при моих метре пятидесяти восьми, он получился почти одинаковый. В смысле, вес... Но, фигура у нее была, как у молодой и, что обидно, ела ведь все подряд, не взирая на калории, прости Господи... А какой у тебя, – стыдливо скосила она глаза на мою грудь. – здесь размер?

– Четвертый... А что, вы с бабушкой и бюстами мерились?

– Ох, что же это я?! – густо покраснев, пропела Катерина Ивановна. – Ты ведь ко мне на ужин пришла, а я тебя уже ностальгировать увлекла, на голодный то желудок. Пойдем за стол...

Время на кухонных часах-чайнике показывало без четверти одиннадцать не то вечера, не то ночи. Мы с хозяйкой застолья, уже почти прикончившие вкуснейшего сазана в сметане, грибочки с луком и, заметно убавив на тарелках разные другие разносолы, поднимали очередные рюмки малиновой наливки. На душе моей было спокойно и уютно. Как будто «выпендрёжный» Катерины Ивановны камин согрел не только продрогшие за этот длинный день конечности, но и всю меня, без остатка. Вот она, магия огня...

– А, давай, Ветвяна, выпьем теперь за любовь. За ту, что была и за ту, что будет. Тебе Нила не рассказывала, как мы с ней познакомились?

– Не-ет, – стараясь сделать женщине приятное, протянула я.

– Ну, так слушай, – радостно хлопнула меня по руке «благодарная» рассказчица. – Я тогда только овдовела. Каждый день на кладбище бегала к своему Сёме на могилку. У нас с ним был счастливый брак – учительский. Мы оба по распределению сюда из Тобольска приехали. Он – свою историю

преподавать, а я – литературу и русский... Нет, она тебе точно не рассказывала? – еще раз уточнила Катерина Ивановна.

– Нет. А, если и рассказывала, то я уже забыла. Так что дальше то было? – кивнула я, уже приготовившись сравнить две версии одного события: бабушкину – лаконичную и Катерины Ивановны – с книжным драматизмом.

– Так вот, иду я как то по дороге с кладбища домой и думаю: «Зачем мне жить то теперь на свете, если любимого моего рядом нет. Некому меня больше приголубить и ободрить». И так меня пробрало, что, забыв про сына своего, тогда еще мальчишку совсем, я решила с собой покончить, и побежала, сама не своя к речке через поле. Бежала я, бежала, пока не увидела на берегу твою бабушку. Она какие-то травы собирала. Мы с ней на тот момент мало были знакомы. Когда она к нам в школу приходила устраиваться, еще к прежнему директору, я ее только и видела. Ну, и мне стало стыдно при почти незнакомом человеке счеты с жизнью сводить... А потом мы разговорились...

– И что, сразу сдружились? – поинтересовалась я, вспоминая бабушкин вариант: «Я собирала гербарий на берегу для наглядного пособия по курсу краеведения, нагнулась за дербенником и вдруг, меня, прямо в воду сбила какая-то сумасшедшая с выпученными глазами. И тут же начала кричать, что я помешала ей воссоединиться с любовью всей жизни. Ну, я, для снятия истерики, влепила Катерине пару раз по щекам. Тут она и притихла».

– У твоей бабушки, Ветвяна, был великий дар убеждения, – продолжила тем временем рассказчица. – Но, подружились мы позже. Когда я с воспалением легких слегла, а она меня выхаживала... Она мне тогда такую фразу сказала, еще на берегу: «Когда теряешь все, надо постараться спасти самое главное. У тебя это сын. У меня – внучка. А любовь для нас – непозволительная роскошь». И столько горечи было в ее словах. Зато, меня они отрезвили раз и навсегда... Хотя, если бы вы раньше в Качелино приехали, то у моего Семена с его диабетом был бы шанс выжить. Я уверена.

– А что, бабушка даже за такое бралась?

– Бралась, но не всегда и не всем. У нее свои принципы были. А в последнее время она вообще мало клиентов принимала. Правда, как раз накануне своей смерти к ней приезжал один, на большой такой, то ли черной, то ли синей машине. С личным водителем, но, очень воспитанный мужчина. Я думаю, она по его заказу на Дальние Болота ходила.

– Погодите, Катерина Ивановна, – попыталась я вернуть женщину на интересующую меня тему. – Значит, бабушка и неизлечимые болезни врачевала?

– Я же говорю, не всегда и не всем. Вот, Валерычу... Юрию Валерьевичу, повезло крупно.

– Ну да, алкоголизм трудно поддается. А некоторые специалисты считают, что он вовсе непобедим.

– Да причем тут это? – подалась ко мне всем корпусом Катерина Ивановна. – У него, кроме алкоголизма в последней

стадии, был «цветущий» цирроз печени. И жить ему оставалось всего ничего, если бы не Нила.

– Как это, цветущий цирроз? А Валерыч ничего мне не говорил, – опешила я.

– Так Валерыч сам не знал, по какому краю тогда ходил. А Нила не стала ему говорить. Вылечила и все, дело прошлое. Договор есть договор. Тем более, жизнь он начал, как говорится, «с чистого листа» и от почти всех своих дурных привычек избавился.

– Я думаю, что, если бы бабушка ему рассказала, то Валерыч по сей день ставил бы свечи в церкви за здоровье студента Мити.

– А я думаю, Ветвяна, – сказала женщина, печально качая головой. – что не Мите этому он должен был свечи ставить. Здесь вообще бы получилась «цепная реакция», как в химии.

– Катерина Ивановна, да что вы меня пугаете? – дрогнувшим голосом взмолилась я. – Скажите яснее, кому и за что эти самые свечи... да, что я про них?! В чем дело то?!

– Хорошо... Помнишь, ты во втором классе в колодец провалилась? – начала женщина, с трудом подбирая слова. – Когда тебя этот, чтоб его, Мишаня... Ну, который берданкой вам угрожал, вспомнила?.. Так вот, когда тебя, через три с половиной часа, этот моральный урод достал, ты уже была без сознания и бредила. Пока тебя через всю деревню на руках несли до вашего дома, ты все звала... – наморщила

женщина лоб. – бабушку, маму звала и еще какую то Наталью, нет... Натэю. Бормотала: «Натэя, поиграй со мной, не уходи». Положили тебя на кровать, раздели... а ты... – Катерина Ивановна замолчала, воткнувшись взглядом в одну точку. – ... ты уже перестала дышать и как будто бы уснула, как ангел... А Нила тогда, я ее раньше никогда такой не видела, да и после, слава Богу: глаза потемнели, волосы встали дыбом... почти дыбом. Она всех нас выгнала из дома, фельдшера нашего школьного, меня, Мишаню, кого-то еще, по дороге приставшего, и закрылась с тобой одна... Я на следующее утро, в часов пять, к вам постучалась, думала, надо Нилу в чувство приводить и... готовиться к твоим, ну, сама знаешь к чему. Она мне сразу открыла, в дом пустила и только попросила, мол, тише говори, Ветвяну разбудишь. Я в слезы, конечно – подруга умом двинулась, и за ней иду потихоньку... Подхожу к твоей кровати... а ты сопишь на боку с ручкой под головкой, щечки розовые... Знаешь, Ветвяна, – Катерина Ивановна подняла на меня полные слез глаза. – я эту картину на смертном одре буду вспоминать: тебя, сопящую во сне, и Нилу, на коленях у твоей кровати, «серую» всю, но счастливую...

Мы с Катериной Ивановной сидели молча несколько минут. От моего прошлого душевного покоя не осталось и следа. В голове крутилась куча вопросов, но, я постаралась задать самый разумный из них:

– Скажите, а почему вы решили, что я тогда умерла?

– Веточка, я, конечно, могу приукрасить, углубить и расширить свой рассказ. Это, как говорится, профессиональное заболевание, но, кроме меня там было еще, как минимум четыре человека, видевшие то же самое, что и я.

– А бабушка как то, после всего произошедшего, объяснилась с вами?

– А твоя бабушка, – горько усмехнулась Катерина Ивановна, вытирая с глаз слезы. – тогда мне сказала, что тема эта закрыта. И, если я не хочу остаться без подруги, то больше поднимать никогда ее не буду. Ну, и я, естественно, сделала правильный выбор. Поэтому мы с тобой и сидим сейчас здесь. И, все-таки, выпьем, детка, за любовь. Так?

– Почему бы и нет? – ответно скривилась я и подняла свою рюмку. Правда, вкуса замечательной малиновой наливки так и не почувствовала...

– Ой, Катерина Ивановна! Аподарок то! – треснув себя по лбу, подпрыгнула я с каминного приступка.

Мы уже давно покинули кухню «открытий и откровений» и сейчас расположились у вновь разожженного очага. Женщина сидела в кресле, держа в одной руке вафельку, а в другой – кружку с чаем. Я же подсела поближе к огню.

Пакет с озвученным ранее содержимым, благополучно брошенный мной несколько часов назад, тут же нашелся на столе под бабушкиной фотографией. Бабушкина подруга, по-детски улыбаясь, замерла в предвкушении:

– Ну, чем порадуешь старую женщину?

– Пусть эта кокетливая и совсем еще не старая женщина закроет глаза, – сурово приказала я.

Катерина Ивановна покорно согласилась по всем пунктам требований и через секунду ей на плечи легла ажурная шерстяная шаль с длинными кистями.

Эту вещь я, месяц назад, будучи в командировке, в Омске увидела на местном блошином рынке и сразу же, не торгуясь, купила. Шаль была одновременно легкой, нежной на ощупь и теплой, не смотря на крупный цветочный орнамент. А еще она, очень эффектно оттеняла карие глаза женщины:

– В вашей, насквозь дырявой школе, нужно обязательно беречь свое здоровье. Так что, носите и вспоминайте меня.

– Веточка, она такая красивая и, действительно, теплая, – уверила меня Катерина Ивановна, крутясь у зеркала в коридоре. – Спасибо тебе большое. Только, к чему такая патетика? Ты куда-то надолго из Тюмени уезжаешь?

– Нет, что вы. Просто фраза получилась... романтическая.

– Фраза получилась избитая, – заключила филолог и потянула меня за рукав. – Пойдем ка назад, к камину, раз тебя все твое детство было от него не оттащить, и рассказывай мне о своих планах на будущее...

– Я... – застала меня женщина врасплох. – хочу попробовать, все-таки, поискать своих родственников или близких людей нашей семьи в Рязани. И начну с этой самой Натэи. Ведь не зря же она мне являлась в предсмертном бреду. Да

и имя, согласитесь, редкое. Проще будет навести справки.

Катерина Ивановна так громко вздохнула и так сострадалительно на меня посмотрела, что я, вдруг, ярко представила себе ее, стоящей над моим живописно окровавленным трупом и готовой произвести «контрольный выстрел» в голову.

– Ну что еще?.. Ладно, добивайте...

– Знаешь, Ветвяна! Если бы ты приезжала ко мне в гости по чаще, то узнавала бы такую важную информацию порционно, – вступилась за свой «убийственный» образ женщина. – А так, получай, как говорится, оптом. Хотя, мне кажется, ничего из того, что ты сегодня узнала сверхъестественным не является, в отношении твоей «нестандартной» бабушки, конечно...

– Катерина Ивановна, – устало заныла я. – объявляю вступительную часть законченной. Не томите публику, пожалуйста. Мы с Клеопатрой ждем...

Женщина скептически глянула на зевающую у камина кошку, глубоко вздохнула и начала:

– Боюсь, детка, с поисками ваших с Нилой родственников будет большая трудность.

– Ну, тут вы меня совсем не удивили. Я и сама знаю, что дело это даже не одного года.

– Ветвяна, это дело даже не одной жизни... Ни вы с Нилой, ни ее муж или сын, да и вообще, никто из вашей семьи никогда не жил в Рязани.

– Та-ак. И откуда же вы это узнали? Неужели от самой

Неонила Марковны, в порыве внезапного откровения? – процедила я, чувствуя, как внутри закипает злость.

– Ага, как же... Дело в том, что я, перед ее уходом на пенсию решила сделать подруге «подарок» – похлопотать о ее ветеранстве труда. И, хотя Нила даже слышать об этом не желала, отправила, втайне от нее, запрос в тот самый Рязанский детский дом, где она, якобы много лет проработала. Через месяц мне пришел ответ. В письме говорилось, что Неонила Марковна Полунич никогда не являлась воспитанницей и, тем более преподавателем данного заведения.

– Может, в Рязани несколько детских домов? – цепляясь за «соломинку» спросила я, уже понимая, что дело здесь в ином.

– Веточка, я целый год после этого, письмами-запросами и телефонными разговорами выясняла «рязанское» прошлое твоей семьи. Меня работница их городского архива узнавала по голосу. И все без толку. Полянских в Рязани семь, Полевич – три и ни одного Полунич или просто сочетания «Неонила Марковна»... Хочешь, я тебе покажу официальные ответы? У меня все сохранилось.

– Не надо, – отрешенно бросила я и встала с каминных ступенек. – Ну, почему кругом одно вранье? Вся наша с бабушкой жизнь – сплошные тайны. Наше прошлое – в тумане. И все это, ради чего? Катерина Ивановна! Мы что, беглые преступники?! А, может, моя бабушка – глава сицилийской мафии... или вообще, она мне не бабушка, а отец, поменяв-

ший пол? А я, не ее внучка, а ребенок какой-нибудь принцессы в изгнании? Или...

– Ветвяна, прекрати! Сядь! – глаза женщины были полны осуждения. – Сядь и успокойся!.. Вот так... Главное, что ты должна знать и пронести с собой по жизни, как самое большое воспоминание – ее любовь. Любовь, способную свернуть горы, сделать невозможное, воскресить. Ведь, в этом ты не сомневаешься?..

На ночной улице было по-весеннему зябко. Катерина Ивановна вышла проводить меня за калитку и долго стояла, глядя вслед. Я же, медленно шла по узкой придорожной тропинке, из вредности и плохого настроения загребая, уже промокшими насквозь летними замшевыми ботинками траву, припорошенную вечерней росой. Только на крыльце дома, бессмысленно глядя на навесной замок, опомнилась и потянула руку в карман пыльника... «У вас что, любовь до гроба?» – мысленно спросила лежащие рядом на ладони ключ и платок. «Тянешь один, получаешь оба?». Потом открыла замок, злорадно оставила его, вместе с «влюбленным» ключом на лавке в сенях и зашла в темный холодный дом...

В ближайших планах на будущее было как следует выспаться перед предстоящей с утра обратной дорогой. Но, на сегодня осталось еще одно дело. Дело, на которое я могла решиться, только находясь именно в таком состоянии: злости, обиды и тоски... Я положила платок на стол, разверну-

ла его и пристально посмотрела на бабушкину цацку, обвиняю, как змеей, черным кожаным шнурком. Медальон был плоским и круглым, схожим по размеру с недавно введенными в оборот десятирублевыми монетами. Но, в отличие от них, серебристо голубого цвета. С рисунком, точнее, гравировкой, изображающей... цветок ириса. Лепестки его были художественно сужены и удлинены. Он, будто распахнул их навстречу солнцу. Но, все же это был именно ирис, любимый бабушкин цветок.

– Ну что ж, Неонила Марковна. Я, как твоя полноправная наследница, отныне и до конца своих дней буду носить твой медальон... в память о тебе, твоей любви и... нашем общем с тобой прошлом, – торжественно произнесла, потом зажмурилась и осторожно опустила цацку прямо под свитер.

Медальон прохладно шлепнулся на мою голую грудь, чуть выше солнечного сплетения и я с глубоким вдохом распахнула глаза... Сначала мне показалось, что в кожу больно впились острые кошачьи когти. Продолжалось это всего несколько секунд, пока я, в ужасе не прихлопнула цацку рукой. Боль тут же стихла и от маленького куска металла волнами по телу пошло умиротворяющее тепло. Потом, будто заполнив меня до краев, цацка удовлетворенно успокоилась. «Она меня опознала и приняла...», – мелькнуло в голове.

– Ну и украшения у тебя, бабушка! – растерянно произнесла в пространство. – Хотя, меня теперь мало что может удивить по-настоящему...

В комодке я нашла бабушкину ночную рубашку из фланели: самое-то для не протопленного на ночь дома. Шустро переоделась, потом прыгнула под теплое, пахнущее лавандой одеяло и закрыла глаза... День выдался длинным, красочным и вспоминался с трудом. Я попыталась прислушаться к себе, найти какие-то необратимые перемены, вызванные сегодняшними откровениями сначала Татьяны, продавщицы из магазина, потом Валерыча, моего верного друга и проводника, и, конечно, растроганной Катерины Ивановны... Бабушка была ведьмой, это я знала и без них. Сила ее была огромной, об этом я догадывалась... Получалось, что единственная новость, потрясшая меня по настоящему, заключалась в том, что я теперь действительно осталась одна. Без шансов найти родных, без права с ними общаться. Бабушка обрубил и выбросила все концы. Уверена, у нее были на то причины, но... «Натэя, поиграй со мной, не уходи». Этот конец я припрятала для себя сама... «Где же я найду тебя теперь, незнакомая Натэя?» – подумала я, уже на границе сна и яви...

За маленьким окном, украшенным в межрамном проеме ватой с блестками, шел крупный снег. Ель в палисаднике уже склонила темные косматые ветви под его влажной тяжестью. В такой день хорошо лепить снеговика или устраивать обстрел снежками с ребятами. Снежки получаются твердые и летят далеко, не разваливаются по дороге. Это особенно

важно, когда сильно бросать не умеешь, замаха не хватает, как у меня... Я повернула голову от окна и решила еще раз попробовать:

– Бабушка, не уезжай, пожалуйста. Ну, как я без тебя?

Бабушка, на миг замерев, продолжила скидывать в старый дерматиновый чемодан свои платья и блузки:

– Ветвяна! Сколько можно? Не рви ты мне душу, – буркнула, не глядя в мою сторону.

– Ну, бабушка... – снова заныла я. – А кто будет снег чистить. Смотри, сколько его навалило. У меня-то маленькая лопатка. Пока я ей буду махать, дня не хватит.

– Ветвяна, не придируйся. Ты уже взрослая женщина. Какой снег? Какая еще лопатка?

Мне стало обидно до слез, ну разве я взрослая? Вот Маргарита, бабушкина лучшая ученица, которая приходит к нам по вечерам на дополнительные занятия, она взрослая. Уже губы красит, и меня жвачкой угощала два раза. А я то что? В доказательство, я хотела померяться с бабушкой ростом и доказать, что она ошибается, но, успела лишь опереться рукой на полированную боковушку дивана. Бабушкина огромная ночнушка сползла с моего детского плеча и цацка «любопытно» выскочила наружу... Я лишь успела поймать на своей шее потрясенный бабушкин взгляд и вмиг все изменилось...

Теперь мы стояли друг против друга. Глаза в глаза. На одном уровне. У бабушки руки скрещены на груди – верный

признак плохого настроения. Я повторила ее позу. Мы сейчас на равных. Все честно.

– Значит, она тебя опознала? И ты теперь ее хозяйка.

– Выходит, так. А ты, значит, пришла попрощаться?.. Через полгода.

– Ветвяна, в тебе говорит обида, – бабушка устало улыбнулась.

– Все правильно. Я на тебя обижена. Но, не за то, что ты мне ни разу не приснилась. Ты меня обманула. Обманывала все эти годы.

– У меня не было выбора.

– Бабушка! Выбор всегда есть. Ты сама меня этому учила.

– Даже у трехлетнего ребенка?

– Ну, хорошо... Теперь ты мне скажешь правду?

– У меня теперь нет такого права...

– Вот как? И почему я не удивилась?

– Это так важно для тебя, детка?

– Да, бабушка.

Поединок закончился. Кто победил?..

Бабушка вздохнула и медленно пошла к серванту. Выдвинула верхний из трех ящиков:

– Посмотри на досуге, и прошу, не думай обо мне плохо. Все, что я сделала, было ради тебя и пусть с опозданием на много лет, но, я даю тебе выбор. Решай сама, как поступить. А мне пора... – она дотронулась до моей щеки теплой ладонью. Я, непроизвольно, всем телом потянулась за ней, но, тут

же была остановлена запрещающим жестом:

– Не смей, – и, уже от дверей в кухню, совсем буднично добавила. – Будешь уезжать, занеси Юрию Валерьевичу оберег для нового дома. Он в буфете... И еще, Веточка, не люби сильного мужчину. Люби надежного. Не повторяй моих ошибок... В любом из миров...

Я зажала рот руками, чтобы не зареветь и крикнула вслед тающему в кухонном сумраке бабушкиному силуэту:

– Бабушка, прости меня!

– Мы с тобой еще увидимся, я тебе помогу, – услышала я, совсем уже тихий бабушкин голос, и меня, словно толчком в спину, вышвырнуло из сна в пасмурное весеннее утро...

Смятая подушка, сбившееся одеяло и что-то тяжелое в ногах...

– Симка! Вот ведь зараза!

«Обнаруженная» кошка потянулась, выпуская желтые когти, и прыгнула с моей постели. Интересно, как она попала в дом, ведь форточку я вчера закрывала?... Сонно щурясь, я огляделась по сторонам и увидела, что, кроме «кошачьего входа» настежь распахнуты еще и дверь в кухню, и шифоньер и пустой коричневый чемодан, сиротливо стоящий на полу прямо в центре комнаты.

– Да что ты себе позволяешь?! – крикнула вслед прыгающей на улицу нахалке. – Что ты здесь искала? Залежи валерианы? Только бабушка....

Глава 8

Дорога...

Я вспомнила все. И снег за окном, и ее потрясенный взгляд, и свою обиду и... верхний ящик серванта... Самого раритета, доставшегося нам «в наследство» вместе с домом, давно в комнате не было. Вместо него угол занимал модный комод – мой подарок бабушке на позапрошлый день ее рождения. А, все, что не вошло в него, или оказалось безвозвратно устаревшим, мы с бабушкой пустили на растопку печи или разложили по двум картонным коробкам из под сапог и унесли в кладовку.

– Нет, не могла она так со мной поступить! Это было бы уже слишком.

Под этим жизнеутверждающим лозунгом я и спрыгнула с кровати, потом вошла в растрепанные бабушкины тапочки и подскочила к комоду. Помнится, все бумаги должны быть в верхнем его левом ящике... После беглого осмотра, передо мной на столе лежала стопка каких то квитанций, договоры на разные услуги, пачка писем (интересно, откуда, после почитаем) и тетрадь с конспектами уроков по ботанике. Все...

– Ничего, есть еще кладовка! – подстегнула я саму себя и решительно направилась в сени. Дверь в кладовку – слева, выключатель света – сразу за ней, справа. Маломощная лам-

почка выхватила из темноты круг с бесчисленными стеллажами на его границах.

– Вспоминай, склеротичка, где могут быть эти коробки?.. Так, табурет мне тогда не понадобился, но ставила я их куда то наверх, – сосредоточенно вспоминая, медленно двигалась я вдоль полок. – Поднимала сразу, одну на другой и, когда уже опускала руки, мне на голову свалился... большой плюшевый медведь. Точно!

Ориентир был найден и, через несколько минут, рядом с кучей «комодных» бумаг на столе в комнате стояли, одна на другой, две пыльные обувные коробки, источающие запах сырости. Откинув крышку верхней, я разочарованно выдохнула – она была ровно по края набита бабушкиными учебными книгами. Оставалась вторая, она же последняя моя надежда... В «последнюю надежду» вошли: разнокалиберные чайные и кофейные чашки, видимо, оставшиеся от «недобитых» сервизов, блюдца от них же и парочка хрустальных стопок с выщербленными краями.

– Вот так вот значит, Неонила Марковна? Прощальная шутка заботливой бабушки. А это мое большое вам спасибо! – захлопнула я коробку и, со всей дури, запустила ее в стену.

Коробка «обиженно звенькнула» и развалилась на составляющие. Газетный лист, которым было застелено дно, прикрыв собой «добитую» наконец-то посуду. А между ним и самым дном, мятым бумажным углом торчал какой-то кон-

верт. Я нагнулась и осторожно вытянула его наружу...

Конверт был современной прямоугольной формы и с девственно чистыми полями для информации. К тому же, «любезно» не запечатан. Внутри его лежали вырванные страницы из незнакомого мне журнала, свернутые в несколько раз. Я тут же их вытащила, развернула спрессованные временем листы и обнаружила внутри еще и какую-то газетную страничку, небольшого формата и уже порядком пожелтевшую...

Чего же я ожидала в конце своих «заполошных» поисков? Не знаю... Возможно, в свете последних подробностей из нашей с бабушкой жизни, тетрадей с запрещенными заклинаниями, амулетов, приносящих счастье, или карт с секретными лабиринтами. Все оказалось гораздо проще и обыденнее. Хотя, насчет отсутствия ориентиров, я, возможно, поторопилась. Они, явно имелись: «Происшествие у горы Дишта», гласил заголовок небольшой газетной заметки, сразу, почему то, бросившийся в глаза. Далее шел текст мелким типографским шрифтом: «Позавчера, около небольшой пещеры в горе Дишта, расположенной в двух километрах севернее поселка Тишьозеро, местная жительница, Ларионова А. К., собирая неподалеку грибы, обнаружила двух человек: женщину, лет 35 – 40-ка и ребенка женского пола, лет 3-4-х. Неизвестная, на тот момент, находившаяся в бессознательном состоянии, но без видимых следов повреждений, тут же была, вместе с ребенком, направлена на обследование в Муе-

зерскую районную больницу. Пробыв там до утра следующего дня, она скрылась в неизвестном направлении, предварительно выкрав из отделения педиатрии доставленную с ней девочку. ОВД Муезерского района начал поиски исчезнувших неизвестных личностей.

Внимание! Если вы узнали женщину с этой фотографии, обязательно позвоните по указанным ниже номерам. Возможно, ребенок был ею похищен из семьи».

Ниже располагались телефоны и маленькая черно-белая фотка. И на этой фотке была «я»... со мной. Именно такое меня накрыло вначале ощущение. Нет, женщина, сидящая на больничной койке и прижимающая к себе упитанного, почти лысого карапуза, безусловно, имела определенные со мной различия. Во-первых, возраст вносил свои коррективы. Во-вторых, прическа была другой: не моя «дикая солома» до плеч, а длинные и убранные в «шишку» светлые волосы. Ну, а в-третьих, это была не я, а моя бабушка, собственной персоной. Только много лет назад, в какой то Муезерской районной больнице находящаяся, вместе со мной у какой то горы Дишта найденная. Это где, интересно знать? И когда?.. Вверху, по центру оборванного листа, на черной полосе белым курсивом красовалось: «Будни Муезерского» и там же по бокам: «23 марта 1989 года». Этот год в дополнительных намеках не нуждался и значился нашим первым с бабушкой «качелинским» годом. А, вот место происхождения

оставалось неясным. Пришлось «пробежаться» по заголовкам и текстам соседних статей... Ответ нашелся почти сразу и обозначился, как: «Неожиданным результатом закончился матч между волейбольной командой наших земляков, «Карельский рабочий», выступающих за завод...».

– Значит, Карелия, – подвела я первые итоги и потянулась за журнальными листами...

Здесь дела обстояли еще интереснее: найти на двух, подряд вырванных страницах дешевой журнальной бумаги, название неизвестного СМИ не представлялось возможным, хотя бы на первый взгляд. Зато цель «бумажной расчлененки» виделась очевидной. Статья «Таинственная Карелия» Т. Лобанова, начиналась на верхней, 58-ой странице и заканчивалась в середине последней, 61-ой... Через минут десять вдумчивого чтения я уже имела представление об основной мысли автора. Мысль эта была простой и ясной: вся Карелия – сплошная аномальная зона. Тут вам и барантида, подземный и подводный гул, и улины, каменные лабиринты, и сами камни с многозначительными названиями: Конь-камень, Бабий камень и тому подобное. Но, основное внимание Т. Лобанов уделил горам, точнее одной из них, Воттовааре. Расположена она в четырех километрах на юго-восток от упомянутого выше Тишьозера и слывет местом массового паломничества. Причина тому – «лестница в небо», ступени, ведущие к обрыву, а, по мнению некоторых исследователей – вход в параллельные миры. Не больше и не мень-

ше. Подтверждений данному феномену приводилось множество, причем с отчетностью по годам. Но, что интересно, эпицентр периодических исчезновений «каких-то людей в никуда» или их появлений из ниоткуда, был не на самой прославленной «лестнице», а немного южнее Воттоваары, в районе горы Дишта...

Под последним отчетным пунктом, обозначенным «Конец марта 1989 года» присутствовали и наши с бабушкой скромные персоны. Правда, как «неизвестные», но по определению из общего числа не выделяющиеся. Здесь же стояла пометка, что обнаружены мы были в непосредственной близости от входа в пещеру, как и первые четыре зарегистрированных исследователями случая. Но, с той лишь разницей, что до нас незнакомцы пребывали в полном здравии и скорость передвижения выказывали завидную. А всего таких известных случаев, в районе между двумя горами, было девять за последние 120 лет.

В конце своего труда автор сетовал, что «до сих пор незаслуженно малоизученная пещера» в горе Дишта таит в себе много загадок и надо бы восполнить пробел и залезть в нее поглубже...

Да... Было над чем задуматься. С одной стороны, статья меня, честно говоря, не впечатлила. С моей, профессиональной, редакторской точки зрения, в ней имелось много «припятностей за уши». С другой стороны, была заметка в «Буднях Муезерского» с фотографией и тот факт, что бабушка

отнеслась к Т. Лобанову гораздо уважительнее меня. Значит, на то у нее были веские причины...

Последний довод я берегла сама от себя: «Не повторяй моих ошибок... в любом из миров». Таким было пожелание самого дорогого мне в этой жизни человека. Конечно, по началу, я импровизировала с его трактовкой, вспоминая к месту и не очень определения: «страны третьего мира», «мир океана», или, того глупее, «Мир цветов», одноименный тюменский магазин. Но, сейчас, после всего прочитанного и осознанного, сомнений в истинном смысле бабушкиных слов не осталось...

Моя память, почуяв слабинку здравого смысла, тут же начала подсовывать множество доказательств нашей с бабушкой «чужеродности». Но, если раньше я их относила к предрасположенности нашего рода к ведьмовству, то сейчас, причины виделись несколько иными. Примером тому было мое прошлогоднее прохождение полного медицинского обследования. Мне тогда, в разгар нашего с Андреем романа очень захотелось родить от него ребенка. Причем, участие отца, в дальнейшем, рассматривалось, как второстепенный фактор. Целью было просто родить себе частичку любимого мужчины, которая всегда будет со мной. И я даже имена уже выбрала, причем для обоих вариантов «частиц» – Арсений или Василиса. Такой вот женский эгоизм и безрассудство в действии. И вот, среди прочих, исследовали мне и мой несчастный женский мозг... Лицо доктора, не молодой уже женщи-

ны, я помню до сих пор: растерянное и удивленное.

– Девушка, – спросила она тогда, – вы где работаете? – и, после моего «развернутого» ответа, удивилась еще больше. – Видите ли, у нормальных людей, головной мозг задействован на цифры от трех до восемнадцати процентов, а у вас – на шестьдесят два. Причем такое ощущение, что сорок девять из них находятся, как бы в анабиозе.

– В каком смысле? – тупо спросила я.

– Они спят, пока спят...

Следующие специалисты «порадовали» меня еще больше: у каждого для меня нашлось какое-нибудь «отклонение». Итог же подвел кардиолог, к которому я шла, уже как на Голгофу. Он, с отсутствующим видом, внушившим мне, поначалу надежду, сообщил, что сердце мое расположено ровно по центру грудной клетки. А потом, увидев мои расширившиеся глаза, добавил, что данный факт никак не влияет на его нормальное функционирование... После этого приема я зашла в аптеку и снова купила противозачаточные таблетки... Прощайте мои Арсений или Василиса...

Из раздумий меня выдернула веселенькая музыка телефонного будильника – пора было «просыпаться». Девять часов утра. Просыпаться и решать, что со «всеми этим» делать дальше...

– Ну что, дорогая, – ехидно поинтересовалась я у своего отражения в умывальном зеркале. – Бойся своих желаний, ибо они имеют обыкновение сбываться, – а, потом, секунду

подумав, себя же и спросила. – А давно ты в последний раз в отпуске была?..

Сборы в обратную дорогу заняли минут пять, уборка комнаты, еще столько же. Уже у двери, с Марининой ватрушкой в зубах, я вспомнила про оберег и, держа его в руке, защелкнула душку замка. А только у калитки запоздало заметила, по прежнему «гостеприимно» распахнутую комнатную форточку. Но, возвращаться во второй раз назад не стала. Дом простит...

Валерыч в это время дня «обитался» на своей работе, в школьном спортзале. Я застала его за выставлением оценок в чей то классный журнал:

– Привет, профессор физкультурных наук!

– И тебе не болеть, – отозвался он, приветливо бликуя линзами очков. – А я вот «косяки» свои подчищаю, а то замотался с этой стройкой совсем. Предварительные оценки за год не успел выставить. Уже уезжаешь?

– Так точно. Только у меня к тебе напоследок небольшое дельце есть, – интриганским тоном протянула я. – Кое какую вещицу надо отдать.

Мужчина неожиданно засуетился, потом густо покраснел и выронил ручку.

– Ты чего? Я же тебе не зубную щетку возвращаю... – опешила я, вдруг вспомнив, что зубных щеток в стакане на полке умывальника было действительно две. – Ну, и дела... И

давно вы с бабушкой по утрам... рыбу ловить начали?

– Да, что уж теперь, – глубоко вздохнул «герой-любовник». – Четыре года тридцать первого декабря... было бы.

Узнай я эту новость вчера, услышал бы Валерыч много чего интересного в свой адрес. Но сегодня, в силу моего, граничащего с эйфорией настроения, объяснимого вновь обретенным за последние полгода смыслом жизни, я лишь подседа к нему на низкую скамью, обняла за плечи и иронично скривилась:

– Значит, мы с тобой теперь оба сиротки остались.

– Вета, она ведь такая была... Такая... Как с другой планеты.

– Знаю. И заботливая очень... Вот, – протянула я мужчине маленький ситцевый мешочек. – Тебе просила передать – оберег для вашего с... дома.

– Когда просила?

– Сегодня ночью.

– Приходила, значит, – произнес он с тихой завистью. – А ко мне не приходит.

– Зато помнит, даже на своей планете. Не грусти, – поцеловала я Валерыча в жесткую щеку и поднялась на ноги. – Мне пора, куча дел впереди. Всего тебе и твоей семье самого светлого.

– Удачи и тебе, Ветвяна Полунич.

Я, на мгновенье замерла, услышав странное из уст Валерыча сочетание звуков своего полного имени и, с улыбкой

подумала: «Ну что ж, теперь и ему можно так меня называть»...

Утро понедельника в моем рабочем «медиа-муравейнике» было традиционно бурным. Уже на лестнице, на меня чуть не наскочил, читающий на бегу лист с текстом, Павлик Рогозин из студии новостей.

– Ой, Вета, привет! Отлично выглядишь. А у нас тут с утра пораньше ЧП с участием твоего Бурова.

– Привет, неужели свершилось?

– Что свершилось? – захлопал ресницами Павлик.

– Сделал он, таки ребенка Виолетте Дмитриевне.

«Гламурный» отрок на секунду задумался, видимо соединяя в своей фантазии худого, как кий, Андрея с «монументальной» кадровичкой, давно уже строившей Бурову глазки, и взмахнул рукой. – Ой, да ну тебя! Тут другое: сегодня в курилке они с Владиком чуть не подрались.

– Неужели, из-за Виолетты Дмитриевны? – развила тему я.

– Вета! Угомонись, это тебя тоже касается, – пристыдил меня строгий Павлик и, на всякий случай ускорил темп своего повествования. – У вас чалдоны зависли, потому что «Окна в будущее» соскочили, а третий этаж рогом уперся насчет Омска.

– Н-да... – задумчиво изрекла я, «переваривая» эту слэнговую шифровку.

– И это все? А где обычный глубокий обморок? – разочарованно протянул новостник.

– Знаешь, дорогой, а мне плевать. Я в отпуск уйду.

– Счастливая... Ой, мне же в студию на запись, я вообще то опаздываю, – вспомнил вдруг Павлик и, бросив на прощание. – Чмоки-чмоки, – понесся вниз по ступенькам.

Новость, действительно, была малоприятной. Сериал про чалдонов в Сибири, над которым в течение последних месяцев «карпел» Андрей, на данный момент оказался под большим вопросом. А все потому, что главный наш спонсор, владелец «Окон в будущее» по какой то, неизвестной мне причине, решил деньги нам не давать. В довершении всего, наше наивысшее руководство отправлять съемочную группу в Омск за счет конторы отказалось. Поэтому и был, видимо, чуть не побит Буровым в курилке форсистый Владик, начальник отдела продаж. Ведь это кто-то из его менеджеров по рекламе «не дотянул» такого важного клиента. И я, кажется, помню, кто именно – Катенька с наивными детскими глазами и пятым размером груди. Вот ее мне, действительно, было искренне жаль. А, что касается всего остального...

– Мне плевать, а мне плевать, – удивляясь сама себе, повторяла я, медленно поднимаясь на второй этаж...

А потом, обменявшись несколькими приветственными репликами с коллегами «по цеху», постучала в дверь кабинета Андрея:

– Да! – услышала приглушенный «рык» с той стороны.

В маленькой комнате, от пола до потолка завешанной дипломами различной ценности, кроме моего угрюмого начальника томились сейчас «пострадавший» морально Владик и Катенька, тоже с заплаканными глазами. Я, разумно оценив обстановку, решила с разговором по душам пока повременить:

– Извините, я, кажется, не вовремя.

– Вета, погоди! – не дал мне закрыть дверь Андрей. – Зайди, будем вместе думать, как выходить из положения.

Пришлось возвращаться (вот ведь, попала), садиться за переговорный стол и делать умное лицо.

– Сейчас мы вместе с Катериной туда поедem, – продолжил излагать свою стратегию Владик. – Я договорился на 9.30. Покажем новое коммерческое предложение и начнем торговаться по обстоятельствам.

– Обстоятельства хотелось бы знать заранее. У меня на двадцатое съемка назначена в Омском университете с профессором Угрюмовой, а она на следующий день в Америку улетает. Вот и ищи ее потом... по заграницам, – невесело усмехнулся Андрей и обратился уже непосредственно к Катеньке, точнее, к ее шикарной груди. – Этот... хоть объяснил причину «соскока»? – Катенька всхлипнула и отрицательно замотала головой, а я отстраненно подумала: «Вот мне и замена нашлась». Андрей же, застигнутый моим взглядом «на месте вожеления», наконец улыбнулся. – А ты что молчишь? О чем думаешь?

«А я думаю, мой дорогой, что вся эта суетня мне уже порядком обрыдла», – проговорила я с чувством про себя, а вслух, пожав плечами, дисциплинированно выдала:

– На Угрюмовой свет клином не сошелся, хотя она, конечно, самый лучший в Сибири специалист по чалдонам. Но, с двадцать первого, у нас в ТГУ будет читать спецкурс ее ученик, доцент Банников, я тебе про него говорила. На крайний случай, можно записать и его.

Андрей улыбнулся еще шире и поднял вверх указующий перст:

– Мы будем иметь его в виду, но, вам, господа, – на этот раз осторожно скосил он глаза в сторону встающих с мест «коммерсантов». – желаю удачи.

«Господа» раскланялись и быстро вышли из кабинета. Андрей же встал из-за стола и приглашающее распахнул свои широкие объятия:

– Как я по тебе соскучился, Веточка. Иди же ко мне! – ответного порыва не последовало, но он, как видно, был настроен сегодня решительно. Поэтому, подошел ко мне сзади, обнял за плечи и принялся целовать в шею. – Ты на меня действуешь умиротворяющее... Как, кстати, съездила в свое Качелино?

– Плодотворно, – процедила я, с усилием отрываясь от стула. – Я об этом, кстати, и хотела с тобой поговорить.

– Поговорим, конечно, только давай сначала, вспомним наши с тобой лихие времена, – запальчиво пробормотал Ан-

дрей, расстегивая мне блузку на груди.

Мне же, второй раз за это утро, пришло время удивиться: я больше не чувствовала ничего к этому мужчине. И зря, он, конечно, напомнил про ТЕ времена. Контраст стал еще острее:

– Андрей! – продостерегающе повысила я голос, перехватив его руки. – Я ухожу в отпуск.

Эффект получился явно отрезвляющим. Мужчина замер и изумленно на меня посмотрел:

– Повтори еще раз.

– Мне нужен отпуск, – достигнув желаемого результата, смягчила я тон.

– Но, ведь мы с тобой планировали вместе в сентябре махнуть во Вьетнам?

– Мы с тобой целый год что-нибудь планируем, но, планами это так и остается, а мне нужен отпуск сейчас. Хотя бы две недели. Очень нужен, – застегивая пуговицы, осторожно надавила я.

– И зачем тебе две недели?

– Мне нужно уехать в Карелию. Там обнаружились... «следы» наших с бабушкой дальних родственников.

– Опять эта твоя «родственная фобия», – страдальчески закатил мужчина глаза. – Ну, скажи, тебе меня одного мало, с моими фобиями и вечными творческими муками? Тебе обязательно надо пригреть еще кого-нибудь на своей... груди. А я собственник, ты же знаешь, – снова пошел он в

наступление.

– Ну, тогда вот, что, – решилась и я на «ва банк», выставив перед собой руки. – Если ты так уперся, то мне ничего не остается, как просто взять и уволиться.

Андрей отстранился и вскинул брови:

– Даже так?

– Именно так и никак иначе, – отчеканила я.

– Ну, ладно. Раз пошел такой откровенный шантаж, пиши заявление, только на четырнадцать дней. И передай все свои дела... Да, кому их передать то, ведь некому... Две недели и ни дня больше. И скажи, ты одна едешь?

Теперь уже я, закатив глаза, направилась к двери. Потом остановилась и взглянула на Андрея. Мужчина стоял у стола с полным недоумением на лице... «Ну, зачем я сегодня сюда пришла? Ведь могла, просто «по-английски» свалить в неизвестность, или позвонить ему с прощальным «Я тебя бросаю и уезжаю навсегда», на крайний случай, написать письмо по мэйлу». Нет, какая-то часть моей души еще сомневалась в равноценности выбора, еще цеплялась за прошлое, внушая смутные надежды:

– Андрей, скажи, что бы ты сделал ради меня, ради нас?

– Вета, к чему такие вопросы, я, ради тебя, тебе отпуск дал в период аврала.

– Аврал у нас всегда. Ты не ответил... до конца.

– А, ради нас, мы с тобой сейчас сбежим с работы, на часок, и поедem ко мне. Я на выходных такую «игрушку

для взрослых» купил... – с вновь воскресшей надеждой расплылся он. – У тебя ведь еще есть время?

«Нет, все бесполезно, все пусто и холодно, как в нашем качелинском доме», – подумала, глядя в его глаза. Потом подошла, провела по, когда то любимой впалой щеке пальцами и попрощалась последним «безвкусным» поцелуем:

– К сожалению, Андрюша, времени у меня больше нет. Мне пора...

Выйдя из тоже когда-то родного, серого здания, я впервые за долгое время смогла полной грудью вдохнуть свежий майский воздух. Потом замерла на несколько секунд, будто фотографируя на память кусты через дорогу, вечно поднятый шлагбаум и спешащих по делам людей, еще раз вздохнула, и направилась к стоящей на служебной парковке Мухе:

– Ну что, подружка, покатаемся напоследок? – Муха в ответ азартно замигала сигнализацией...

Весь день был в полном моем распоряжении. Билет на поезд № 85 Тюмень-Петрозаводск с сегодняшним отправлением в 22.35 по местному времени уже лежал в кошельке, но оставалось еще одно важное дело – встретиться перед отъездом с Юлькой. Я заранее морально подготовилась к нескольким путям развития нашего «прощального» диалога и, поэтому была сейчас, перед «согласовательным» звонком по телефону, во всеоружии. Но меня ждал совсем непредвиденный поворот:

– Алло! – на фоне какого-то сильного гула прокричала подруга. – Вета, привет!

– Здравствуй, Юля! Я вернулась, но... – начала я заготовленную вступительную часть.

– Это очень хорошо! По голосу слышу, что в нормальном настроении. Только, теперь я уезжаю, точнее, улетаю.

– Ничего себе! И далеко?

– Ага, в Турцию, в Кемер. У моего, наконец-то зам с больничного вышел, и мы решили на две недельки смотаться на солнышко. Ты, меня как раз на парковке у Рощино поймала. Мы машину на стоянку ставим. Погоди, я обратно сяду, а то не слышно ничего... Все, говори, – разрешила Юлька уже «на тишине».

– Ну что тебе сказать, дорогая. Погрейся там за меня, на массаж обязательно сходи. А как вернешься, я все тебе расскажу.

– Ве-ет, – со свойственной только ей «тянучестью» пропела подруга, – Я звонила тебе в субботу, но в твоей этой тьму-таракани связь совсем ни к черту. А потом замоталась со срочными сборами. У тебя точно все нормально?

– Да, дорогая, более чем, не переживай, – радостно уверила я.

– Ну тогда, пока. А то мне мой уже руками машет. Пора на регистрацию. Целую! – прокричала Юлька, уже вновь вынырнув в шумную жизнь аэропорта, и отключилась.

– Пока, Юля, – произнесла я уже самой себе, стуча теле-

фоном по подбородку. – А, может, это и к лучшему, что ты не знаешь, какая авантюра мне предстоит, – и, погладив через блузочную ткань теплую, теперь уже не бабушкину, а мою цацку, повернула ключ зажигания...

Все двое с половиной суток дороги, проведенные в вагонной качке, пролетели незаметно. Я, наконец-то, прочитала прихваченного с собой в дорогу «Алхимика» Коэльо, разгадала кучу sudoku и выпила литры чая. А теперь, за сорок минут до прибытия в Петрозаводск, столицу республики Карелия, уже с собранной сумкой под боком, сосредоточенно пялилась в вагонное окно.

Величественные сосны и ели, разбавленные, кое-где знаменитыми карельскими березами, постепенно редели, обнажая, пока еще клочками, скромные рабочие пригороды. На редких переездах все длиннее становились автомобильные очереди из машин, пестрящих нищетой и роскошью – верный признак близкого большого города.

– Двадцать минут десятого, скоро будем на месте, – сообщил, свесившись с верхней полки купе, мой помятый после сна сосед. – А вы уже готовы?

– Не терпится на свежий воздух из душного вагона, да и качка эта утомила, – честно призналась я.

– А я, знаете ли, привык к ней. Вечно по командировкам мотаюсь. Без нее даже дома, у жены под боком уснуть не могу.

— И нравится вам такая жизнь? — исключительно ради поддержания разговора уточнила я, уже плюхнувшегося напротив мужчину.

— Да, как вам сказать?.. — серьезно задумался он, почесывая щетину. — Дом, это, конечно, хорошо, но в жизни нужны более острые ощущения: азарт, неожиданный поворот...

— Случайная интрига... — ехидно подсказала я.

— Ну, и это, тоже... — буркнул в ответ сосед, отвернувшись к окну. Неужто, только со мной «не свезло»? — Главное, чтобы тебя дома ждали... любого, — все-таки подвел он итог и, прихватив полотенце, вышел из купе...

Сразу после прибытия в Петрозаводск, я направилась в кассовый зал. Еще дома, облазив интернет, выяснила, что нужен мне конкретный поезд под номером 137, следующий как раз (о, чудо!) через поселок Тишьозеро дальше на север. Но, на этом мое везение не закончилось и, минут через тридцать, в кошелек лег новый, песочного цвета, железнодорожный билет. Правда, придется весь день болтаться по городу, потому, что отправление в 00.32. Зато, в Тишьозере я буду не поздно вечером или глубокой ночью, а в очень даже приличное время — 08.45.

Электронное табло, висящее на стене, мигая через равные промежутки времени, выдавало то точное московское время, то уличную температуру. И цифры эти, к сожалению, мало отличались друг от друга. Пришлось доставать из полупу-

стой дорожной сумки свой черно-бурый жилет и натягивать его поверх наглухо застегнутого пыльника...

Карелия всегда считалась краем контрастов, но меня, привыкшую, к быстрым переменам сибирской погоды такое не удивляло. Вот и сейчас, выйдя на залитую солнцем привокзальную площадь, и тут же, вместо гостеприимного «Добро пожаловать», получив пронизывающий порыв ветра в упор, я лишь спустила с макушки на нос солнцезащитные очки и решительно двинулась вперед.

Мое личное «золотое» правило, проверенное в частых командировках, работало в любом городе страны: чем дальше от вокзалов, тем приличнее общепит. В результате, в трех кварталах, по примыкающей к площади улочке, я нашла уютное кафе под названием «Три сосны», видимо, карельский вариант чеховской классики. Правильность собственного вывода вскоре уперлась мне в нос тесненными буквами на корочке меню: «В рассуждении чего бы покушать. А.П. Чехов». Ну, надо же! Уже с интересом, начала я осмотр небольшого, обитого «девственными» сосновыми досками зала и, над весящей на боковой стене огромной картиной с берегом лесного озера, романтично подернутого утренним туманом, прочла: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа. А.П. Чехов». Некстати вспомнился Коэльо с его поисками «знаков» в повседневной жизни. Получалось, что человек, идущий правильной дорогой, постоянно должен ими сопровождаться.

Знаки помогают нам, дают советы и остерегают от опасностей... Еще один знак я увидела над дверью уборной, когда пошла туда мыть руки перед едой: «Как бы чего не вышло. А.П. Чехов». Понимай, как хочешь...

После сытного завтрака, пришлось коротать время уже за осмотром самого Петрозаводска, о котором до этого я знала лишь одно: здесь снимался депрессивно-философский фильм «Облако-рай». И начала, невзирая на погодные условия, с продуваемой всеми ветрами городской онежской набережной. Однако вскоре была по заслугам вознаграждена за энтузиазм совершенно окоченевшим носом и зловещим «кляцканьем» собственных зубов. Пришлось срочно сворачивать культурную программу и искать, на сей раз, более-менее приличную гостиницу. Таковая нашлась очень быстро, и маленький, оклеенный бумажными обоями номер, стал моим временным сегодняшним пристанищем. Жутко хотелось залечь в горячую ванну, часа на два, но, пришлось довольствоваться казенным душем, который, после нескольких дней в пути, и так сошел за «манну небесную»...

До поезда еще оставалось много времени, которое сейчас, в тишине по дневному вымершей гостиницы, казалось и во все замерло. Я лежала на жесткой кровати и смотрела в потолок, помеченный следами «охоты» на комаров. Так случается, когда долго куда то бежишь, отгоняя от себя неуместные в тот момент мысли, а потом, вдруг, замираешь и с удивлением оглядываешься по сторонам... Приходят сомнения,

скребут душу когтистыми лапами и нашептывают на ухо разные провокационные вопросы: «Ты, с упорством осла, стремишься туда, откуда твоя же собственная бабушка бежала, спасая тебя и бросив все, что было ей дорого. Ты отказалась от привычной жизни, от людей, которые тебе небезразличны. А что ждет тебя ТАМ? И будет ли вообще это ТАМ?» Я глубоко вдохнула, выравнивая дыхание, и резко села на кровати. Оставался единственный и самый верный способ проверить правильность собственного поступка: представить себе, как бы я жила дальше, если бы ничего этого не сделала...

– Нет! Я буду в этой пещере и дойду до конца. А там, будь что будет, мать вашу...

Тишьозеро совершенно не оправдывало своего названия. Узкий, закатанный в бетон перрон в этот утренний час был переполнен жизнью и сильно смахивал на своего «старшего коллегу» – сочинский. В разных местах, среди сошедшей с поезда вместе со мной толпы «паломников» по эзотерическим местам Карелии, мелькали картонки с надписями названий местных достопримечательностей. Преобладали, естественно «Воттоваара, недорого». Я, на прощание, помахала рукой молодой супружеской паре, с которой познакомилась еще в вагоне и двинула «в народ». Но, не пройдя и нескольких метров, почувствовала, как моего локтя уверенно коснулась чья-то рука:

– Девушка, вам к лестнице? – спросил меня невысокий

мужик в жилете с множеством карманов.

– Не совсем, – уклончиво протянула я и тут же решилась. – Если вы не против по дороге еще кое-куда заехать.

– Да, с такой красавицей, хоть до Мурманска! – просиял мужик и, подхватив мою сумку, направился к шеренге машин. – А, куда именно надо заехать, ну, кроме Мурманска?

– К Диште, точнее к пещере в горе Дишта.

– А-а. Это туда, откуда недавно ученые съехали, с неделю назад. Они у нас по поселку квартировались.

– Уж не Лобанов ли, со своей группой? – заинтересованно прищурилась я.

– А его знает, – ясно выразил свою мысль мой водитель. – У нас с супругой студент жил, который на побегушках у их главного числился. Так замучили нас ночными телефонными перезвонами – постоянно парня дергали то туда, то сюда... Ну, вот, и мой скакун. Садитесь, не стесняйтесь.

Я, не раздумывая, плюхнулась на переднее сиденье красной Нивы и, дождавшись мужчину, продолжила прерванную тему:

– А вы, случайно, не знаете, нашли там что-нибудь или нет, в этой пещере?

Тот в ответ почесал затылок и ненадолго задумался:

– Вроде бы было что-то, на их приборах. Как то наш Эдик зазнобе своей по телефону хвастался, что... в левом, нет, в правом крыле есть какие то, то ли отклонения, то ли изменения, его знает.

– Понятно, – тоном глубокого знатока «отклонений» изрекла я...

Через пару минут мы уже всю тряслись по широкой поселковой улице, полностью застроенной частным сектором, а затем повернули в сторону темнеющего вдалеке леса. Справа, среди разбросанных по берегу банек и огородов, бликовало на солнце одноименное озеро, слева же высились внушительных размеров двухэтажные бревенчатые дома. Весна здесь только начиналась, но, сегодняшней день, вышел на удивление теплым. Поэтому я, еще в поезде, вдохновившись видом аборигенов, прохаживающихся по перрону, за остановки две до Тишьозера, сменила свой дорожный наряд. Джинсы, теплый свитер и пыльник были отправлены в сумку, придав ей более-менее «уважаемый» вид, и заменены тонкой водолазкой с короткими рукавами и длинной шерстяной юбкой. Потом, правда, я одумалась и натянула сверху свой меховой жилет. Обувь – замшевые летние ботинки, нареканий не вызывали, да и альтернативы им все равно не было...

Машина, почти у кромки леса, вдруг, дернулась и заглохла. Водитель недоуменно выругался.

– Надеюсь, у вас бензин не закончился? – вкрадчиво в свою очередь, поинтересовалась я.

– Бензин? – непонимающе нахмурился мужик и повернул ключ. Двигатель вновь заработал, мы оба с облегчением выдохнули и медленно тронулись с места. – Я, вообще-то не

по автомобильному профилю, – покаянно признался он. – За руль совсем недавно сел. Жизнь заставила. Вот и бывают такие казусы, уж извините.

– Ничего страшного, – заверила я своего «неопытного водителя» и тут же, на всякий случай, подбодрила. – Если что, мы с вами местами поменяемся.

Мужчина скептически скривился, но промолчал, являя всем своим видом грубое ущемление мужского достоинства. А я, в это время, разглядывая окружающую красоту, подумала, что мне сейчас уже глубоко наплевать, знак это был или просто пустяшная заминка в дороге...

Через несколько минут мы свернули с заплатанной асфальтированной трассы и въехали в лес. Дорога, едва заметная под слоем сухой хвои, скоро совсем исчезла, уткнувшись в большой камень. Мой водитель заглушил машину и шустро выпрыгнул из салона. Я, тут же последовала его примеру.

– Вот за этим валуном, по тропинке, немного влево и под горку и есть гора Дишта. Пещеру в ней сразу увидите.

– Понятно. Сколько я вам должна?

– Так мы ведь еще на лестнице не были?

– Ну и что. Может, у меня прихоть такая. Вы разве не знаете, что клиент всегда прав?

Мужчина согласно расплылся и назвал мне сумму. Я же, отсчитав ему из кошелька купюры, в раздумье замерла: что делать с дорожной сумкой, лежащей на заднем сиденье?.. Потом, мысленно махнула на нее рукой и направилась к ва-

луну.

– Пойдите, девушка! А фонарик то у вас есть? – крикнул мне вслед «брошенный» водитель.

– Фонарик?... Нет, – растерянно тормознула я.

– У меня есть... для таких случаев, – тут же извлек он из захламленного бардачка маленький плоский фонарь. – Возьмите, пригодится, – добавил с какой-то странной, довольной ухмылкой на лице. И это было так ему несвойственно, так расходилось с уже сложившемся у меня в голове о нем представлении, что я, невольно, задержалась. Мужик это заметил, но, ни капли не смутился:

– А, все-таки рискованная вы девушка. Вы сами это понимаете?

– Теперь уже да, – удивленно промямлила я и, наконец, развернулась к своей конечной цели.

Мне бы очень хотелось спросить у этого аборигена, есть ли у него родственники в Тюмени, ухмыляющиеся так же нагло и разъезжающие на Лексусе, или, где он раньше работал, до своего «туристического бизнеса», но, сбежав с горки, я тут же забыла про все свои вопросы.

Потому что передо мной предстала Дишта – большая каменная глыба, местами обтыканная низкорослыми деревьями. Сравнивать ее размеры с другими карельскими горами было, с моей стороны довольно глупо, да и ни к чему. Тем более, занимала меня не она сама, а то, что открылось взору чуть позже – вход в пещеру. По очертаниям он напоминал

довольно плоскую булку, а при близком к нему приближении высотой доходил мне до плеч. Вокруг входа желтела вытоптанная песочная полянка, со старым кострищем посередине и стоящим в стороне забытым пустым ящиком, видно, единственным напоминанием об недавно побывавших здесь ученых.

– Надеюсь, вы не подпортили мне «хэппи энд», умники? – вслух подумала, я, и решительно полезла в проход.

Метра через полтора низкий потолок закончился, и я вынырнула в прохладный и сумрачный «каменный зал». Здесь чернело еще одно кострище и пахло не совсем «приятно». На одной из рельефных стен темными контурами выделялась какая-то надпись. Я, любопытства ради, включила фонарик и направила его на слова: «Любовь победит всё. Коля и Ира. 1992 год». «Ну, надо же, какие глубокие мысли навевает это место», – цинично ухмыльнулась, проходя мимо, вглубь зала. Вскоре он, как и предполагалось, разделился на два тоннеля: левый и правый. Ни секунды не колеблясь, я выбрала второй и тут же окунулась в настоящую темноту. Нет, фонарик, конечно, работал, но ощущение полноценной освещенности прибавлял едва ли. Песок под ногами постепенно сменился каменной породой и тоннель, то сужаясь, то расширяясь, медленно пошел вверх. Где-то капало, мелкие камушки скрипели у меня под подошвами, мне даже, стало казаться, что я слышу биение собственного сердца, но я упрямо шла вперед...

Спустя какое-то время (точнее я выразить уже затруднялась), под ногами зачавкала вода и слабый луч вырвал из темноты небольшую нишу справа, с лужицей в углублении. В этом месте стена, будто плакала, спускаясь, рыжими подтеками прямо на пол. «Вот откуда капало», – подумала я, разглядев прямо над мини-озером мокрый камень. Еще через несколько метров, после очередного поворота, я за что-то ощутимо запнулась, получив хлесткий удар по голой ноге чуть выше левого ботинка. Скупой электрический луч вскоре нашарил, отлетевший в сторону пучок проводов, завязанный в узел посередине:

– Ну, спасибо вам, умники.

А еще за одним поворотом меня гостеприимно ждал тупик. Действительно, тупик. Досконально изучив пространство перед собой, я пришла к выводу, что выбрала не тот коридор и надо возвращаться. Но тут, предательский фонарик замигал и погас, оставив меня, с выпученными от страха глазами, в полной темноте. Глаза, к сожалению, подсвечивать не могут. Пришлось вытягивать руки и пробовать идти наощупь обратно, но продвинулась я недалеко:

– Ну, наконец-то! – радостно поприветствовала женщину с газетной фотографии, стоящую в проходе прямо передо мной.

Хотя, выглядела она, мягко говоря, иначе: вместо пестрого больничного халата на бабушке было элегантное, облегающее до бедер платье «в пол» и короткая лисья шубка. Высо-

кая прическа опускалась локонами вдоль шеи, но была, слегка растрепанной, что ли. В довершении образа, бабушкина фигура источала легкое серебристое свечение, окаймленное золотым ободком, по качеству действия не уступающее моему почившему фонарю.

– Такой меня запомнила эта пещера, – скромно пояснила она, поправляя выбившуюся из прически прядь, еще не седых, а светло-русых волос.

– Видел бы тебя сейчас Валерыч, – не очень корректно восхитилась я.

– Валерыч? Ты и это знаешь? – на миг смутилась бабушка, но, быстро пришла в себя. – Значит, ты все-таки решилась?

– Бабушка, не начинай все с начала, – устало заныла я. – Ты ведь обещала помочь, так помоги. Подсвети хотя бы, мне дорогу, как фонарик.

– Ты думаешь, я только на такое способна? – грустно улыбнувшись, покачала она головой, и, наконец, решилась. – Сними медальон с шеи.

– Это что, плата за вход?

– Сними медальон и положи его в свою сумку, подальше. Он будет нам мешать.

Я выполнила бабушкино требование и выжидающе замерла:

– Что дальше?

Бабушка подошла ко мне вплотную, так, что я разглядела ее, почти лишенное морщин, красивое лицо:

– Будет трудно, надо приложить всю силу, которая в тебе есть.

– И как это сделать?

– Просто представь себе, что ты очень сильно хочешь отсюда выйти. Захоти это всей душой и вообрази, что там тебя ждет... красивый лес, с высокими вековыми деревьями, с камнями, поросшими мхом, и травой в маленьких цветах, качающихся под легким ветром...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.